

С.М.Морозов

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Курс лекций

Содержание

Введение	с.2
1. Психологический контекст теории Л.С.Выготского.	с.5
1.1 . Оппонентный круг Выготского.	с.5
1.2 . Выготский и бихевиоризм.	с.7
1.3 . Выготский и марксизм.	с.11
2. Философские основания культурно-исторической психологии.	с.13
2.1. Выготский – методолог	с.13
2.2. Выготский о естественности предмета психологии.	с.15
2.3. Выготский и философия Гегеля.	с.17
2.4. Временные характеристики саморазвития	с.22
3. Единица психологического анализа с точки зрения культурно-исторической психологии.	с.24
3.1. Антиэмпиризм Выготского	с.24
3.2. Что такое реальность?	с.26
3.3. Что такое единица психологического анализа?	с.29
4. Зарождение психологической теории деятельности.	С.35
4.1. Этапы развития теории Выготского	с.35
4.2. Теория речевого мышления	с.39
4.3. Выготский и Харьковская психологическая школа.	с.44
5. Категория «деятельность» в теории А.Н.Леонтьева.	с.49
5.1. Марксизм и экзистенциализм.	с.49
5.2. Механизмы саморазвития деятельности в теории Леонтьева	с.52
5.3. Единицы анализа в теории Леонтьева	с.56
6. Чувственная ткань как «единица» сознания	с.58
7. Смысл как новое измерение реальности.	с.67
7.1. Принцип единства «внешней» и «внутренней» деятельности	с.67
7.2. Значение как «пятое измерение»	с.75
8. Диалогизм как системное качество деятельности.	с.81
8.1. Деятельность как внечувственная реальность	с.81

8.2. Диалогизм деятельности.	с.85
Заключение	с.90
Список рекомендуемой литературы	с.94

Введение.

Психологическая теория Л.С.Выготского, получившая свое продолжение в теории деятельности А.Н.Леонтьева, а затем воплотившаяся в мощном потоке исследований смысловой сферы человека, – эта теория - дитя XX века. Поэтому так естественна сосредоточенность нашего внимания на психологии прошедших десятилетий. Однако это не означает, что мы занимаемся историческим исследованием. И дело не в том, что XXI век только-только вступил в свои права – несколько лет или несколько десятилетий нельзя считать существенной величиной в масштабах истории. Просто, занимаясь научным исследованием, нельзя отвлекаться от того контекста, частью которого мы являемся. А этот контекст в значительной мере обусловлен эмпирическими, теоретическими, методологическими наработками наших предшественников – независимо от того, насколько далеки они от нас во времени. В системе воззрений наших предшественников мы должны отыскивать тенденции, экстраполируя которые на сегодняшние реалии, можно было бы найти наиболее плодотворные пути развития современной науки.

Двадцатое столетие – не только страшный, но и странный век. После того, как в конце XIX века – поры замечательных открытий в науке, прежде всего в естествознании - в Европе надолго наступил мир, людям показалось, что это – навсегда. Но наступило столетие, принесшее огромное количество ужасных катастроф и в то же время массу замечательных открытий, среди которых следует назвать пришедшие на смену позитивизму марксизм и экзистенциализм, составившие философскую и методологическую базу революционных прорывов в науке.

В СССР все, что не было связано с марксизмом, подвергалось опале. Однако насаждавшаяся идеология была встречена в нашей стране не только теми, кто готов был механически использовать готовые формулы, но и талантливыми мыслителями, стремившимися овладеть действительно таящей в себе большой потенциал методологией марксизма. Среди последних был выдающийся психолог двадцатого столетия Лев Семенович Выготский.

Развитие культурно-исторической психологии проходило на фоне кризисных явлений, сопровождавших психологическую науку с середины XIX века. До тех пор

психология развивалась как метанаука, анализирующая ключевые вопросы соотношения духовного и телесного. Хронологически призывы преодолеть кризис в психологии совпали с первыми попытками осмыслить итоги проникновения в психологию экспериментальных методик. Эксперимент возник в так называемых естественных науках как способ изучения «внешних» объектов и явлений посредством их физического или теоретического расчленения. Обе названные характеристики эксперимента – изучение «внешнего», т.е. чувственно воспринимаемого, предмета и его расчленение, выделение в нем отдельных частей – вступили в противоречие с основными психологическими постулатами.

Во-первых, очевидна несостоятельность попыток исследовать психику человека как нечто чувственно воспринимаемое. Сложность исследования психики заключается именно в неуловимости самого этого феномена. Любое психическое явление, наблюдаемое исследователем, не может быть обозначено как наблюдение самого сознания. Сознание в принципе не имеет своей феноменологии. В отличие от физики или биологии, где изучаются чувственно воспринимаемые, т.е. существующие вне субъекта наблюдения, объекты, в отличие от подобных естественных наук, предмет психологии принципиально не наблюдаем. Для того, чтобы анализ психики был осуществлен, требуется выйти за пределы описания в терминах материального субстрата и оперировать исключительно категориями, обозначающими оторванные от материи свойства.

Во-вторых, в начале прошлого века психология склонялась к точке зрения, будто можно «разобрать» поведение и сознание человека и «посмотреть» что там, внутри. Попытка провести такой анализ психического, который позволил бы выявить «элементарные частицы» психики, привел к «исчезновению» целостного предмета психологического исследования. Подобный подход привел к разбиению психологического предмета на отдельные составляющие (элементы), функции. Каждая психологическая школа занялась изучением своего особого элемента, который был слабо связан или вовсе не связан с системой психологических знаний. Отсюда проистекал элементаризм психологии, послуживший одной из фундаментальных основ разразившегося кризиса, отзвуки которого до сих пор ощущаются психологами. Появились психологические школы, изучающие только восприятие, только память, только мышление и т.д. В итоге психология пришла к построению «гносеологического человека», следствием чего стало, в частности, возникновение во второй половине XX века множества когнитивных «моделей» переработки информации. Психология вступила в такой этап своего развития, который стали называть «схизисом»

(Ф.Е.Василюк), т.е. такой стадией, когда академическая и прикладная наука практически независимы друг от друга.

В 1925 году, недавно переехавший в Москву из провинциального Гомеля Лев Семенович Выготский – тогда еще мало кому известный психолог – опубликовал статью «Сознание как проблема поведения». На первой же странице он излагает критические замечания по поводу рефлексологических попыток объяснить всю систему мироздания при помощи мельчайших «атомов»-реакций. Кто бы мог тогда подумать, что автор этой статьи всерьез решил заполнить вакуум, который существовал в психологической науке между поведенчески-физиологическими теориями и теоретическими построениями, претендовавшими на звание психологической методологии. Но Выготский совершил чудо. За десять лет, отведенных ему судьбой, он создал такое психологическое строение, которое выдержало десятилетия внимательного критического рассмотрения как со стороны учеников и последователей, так и со стороны недоброжелателей.

Имеется множество различных точек зрения на теорию Л.С.Выготского, и на ее соотношение с теоретическими разработками, сделанными последователями, учениками и единомышленниками автора культурно-исторической психологии. Не имея возможности вдаваться в подробные рассуждения по этому поводу, мы только заметим: термин культурно-историческая психология вышел далеко за пределы того понимания, которое было распространено еще несколько десятилетий назад.

Сегодня существует несколько интерпретаций понятия «культурно-историческая психология». Во-первых, это исторически сложившееся наименование теории, разрабатывавшейся самим Л.С.Выготским. Правда, уже здесь можно выделить два подхода. Первоначально этот термин был связан с фундаментальными работами, сделанными Выготским в конце 20-х – начале 30-х гг. В основе этих построений оказались такие теоретические конструкты как опосредование, орудийность и, в первую очередь, принцип интериоризации. Однако уже в конце творческого пути Выготский значительно расширил свою теорию, приступив к освоению проблематики соотношения речи и мышления. Это привело его к созданию теории значения как единицы психологического анализа. Поэтому часто термин «культурно-историческая теория» относят ко всей психологической системе Выготского.

В дальнейшем теория Л.С.Выготского получила свое развитие благодаря усилиям А.Н.Леонтьева и той психологической школы, главой которой он по праву считается. И хотя существуют разные мнения о том, каково соотношение

психологической теории Выготского и теории деятельности Леонтьева, мы исходим из того, что последняя является естественным продолжением и развитием культурно-исторической психологии. Поэтому мы уверены в том, что можно интерпретировать культурно-историческую психологию как совокупность исследований, выполненных Выготским, Леонтьевым, их коллегами и единомышленниками.

Наконец, современное продолжение вектора исследований, указанного в работах А.Н.Леонтьева, выходит далеко за пределы того, что было лишь намечено Л.С.Выготским. Прежде всего это касается серьезной проработки темы смысловой сферы жизнедеятельности человека. Может показаться, что работы А.Г.Асмолова, Б.С.Братуся, Ф.Е.Василюка, В.П.Зинченко, А.А. и Д.А.Леонтьевых, В.Ф.Петренко, Е.Е.Соколовой, А.П.Стеценко, Е.В.Субботского, О.К.Тихомирова и множества других исследователей, считающих себя учениками А.Н.Леонтьева и научными «внуками» Выготского, содержательно далеки от культурно-исторической теории. На наш взгляд это может показаться, только если забыть про методологическую базу, основы которой были созданы Выготским. Именно эти методологические основы уверенно поддерживают здание одного из наиболее мощных построений современной психологии. Именно поэтому мы говорим о культурно-исторической психологии как о единой теории, существующей более восьмидесяти лет. Правда, можно согласиться и с тем, что содержание этой теории расширилось настолько, что стоит говорить не о теории, а о культурно-исторической парадигме, притягивающей к себе внимание все новых и новых исследователей не только в России, но и за ее пределами.

Более того, гуманистические принципы, на которых базируются культурно-исторические разработки, могут стать хорошим фундаментом для более тесного соприкосновения с другими фундаментальными теориями современности. Как нам кажется, сегодня лидирующие позиции среди таких теорий занимает психология, философской основой которой является экзистенциализм. Собственно, поиск фундаментального методологического сходства экзистенциальной психологии и культурно-исторической парадигмы и является содержанием той части наших размышлений, которые составляют раздел, посвященный перспективам развития психологической системы, созданной Л.С.Выготским и А.Н.Леонтьевым.

1. Психологический контекст теории Л.С.Выготского.

1.1. «Оппонентный круг» Выготского.

Можно сказать, что Л.С.Выготскому сопутствовала удача: создание им культурно-исторической теории пришлось на годы наиболее острых разногласий между психологическими школами и направлениями. Кризисные явления в науке всегда способствуют возникновению новых оригинальных теорий, и непременным условием их создания можно считать талантливость автора. Талант Выготского проявился в том, что на пересечении линий исследования различных теоретических и экспериментальных направлений он создал качественно новую концепцию. В результате Выготский пришел к выводу, который кратко можно сформулировать следующим образом: единицей психологического анализа является значение. Чтобы понять объективную логику, приведшую Выготского к такому заключению, следует рассмотреть психологический контекст, тот «оппонентный круг» (М.Г.Ярошевский), в котором жил и работал ученый.

На фоне психологического контекста начала XX столетия выделялось несколько психологических школ, претендовавших на всеобщность своей интерпретации единицы психологического анализа. Обладавший энциклопедическими познаниями Л.С.Выготский использовал в своей работе многие идеи своих предшественников и современников. Здесь следует назвать предположение о зависимости индивидуального сознания от коллективных представлений, формируемых обществом (французская социологическая школа), принцип синкретизма детского мышления Ж.Пиаже, психоанализ З.Фрейда, изучавшего глубинные вневчувственные структуры внутреннего мира человека и т.д. Однако мы остановимся на менее известных линиях, связывающих теорию Выготского с современной ему психологией.

Прежде всего, вспомним о разработках Вюрцбургской школы, подчеркивавшей абстрактный, нечувственный, ненаглядный, безобразный характер нашего мышления. Здесь стоит назвать два момента, связывающие теорию Л.С.Выготского с идеями данной школы и, главным образом, ее представителя Н.Аха. Это, во-первых, схема методики исследования развития понятий, которую, видоизменив, использовали Л.С.Выготский и Л.С.Сахаров. Это, далее, проблема воли, которой фактически все время занимался Выготский, утверждавший: то, что раньше называли волей, в культурно-исторической теории называется «высшие психические функции». Но самая важная идея, воспринятая Выготским у Аха - концепт «детерминирующая тенденция», обозначающий внутреннюю настроенность человека, его психологического состояния на определенную цель, на решение той или иной задачи. Впрочем, сходные идеи можно найти у многих психологов: У.Джемса, В.Вундта, К.Левина. Да и сегодня можно найти сходные мотивы, например, в понятии «трансцендентная феноменология молитвы» у

Ф.Е.Василюка. В целом можно сказать, что вряд ли кто-то из психологов может обойти феномен внутреннего импульса, интенциональности, направляющей нас к «внешнему» предмету. Эта интенциональная составляющая проявилась и у Выготского, когда он приступил к анализу соотношения смысла и значения, взаимодействие которых составляет основу самодвижения психологической системы.

Велико влияние, испытанное Л.С.Выготским со стороны гештальтпсихологии, избравшей в качестве своего объекта познавательную сферу человека. Даже известный образ, используемый Выготским для иллюстрации своего понимания единицы психологического анализа, – образ воды, молекула которой содержит элементы (водород и кислород), поддерживающие горение, но сама составляет вещество, противостоящее огню – восходит к гештальтпсихологии. Поэтому следует подчеркнуть использование Выготским принципа целостности, ключевого в этой психологической школе. Процесс, анализом которого он занимается, изначально целостен.

Важно также обратить внимание на проблему соотношения фенотипических и каузально-генетических проявлений внутреннего мира человека, развивавшуюся в работах К.Левина. Эта проблема непосредственно связана с принципом развития, который после работ Л.С.Выготского прочно вошел в методологические основы отечественной психологии. Развитие – одно из основных качеств психики. Но старая психология, говорит Выготский, занимаясь феноменологической проблематикой, закрыла для себя каузально-генетические закономерности, благодаря которым такое развитие осуществляется. Например, слепопроизвольное внимание только фенотипически похоже на внимание произвольное, но по своим скрытым от непосредственного наблюдения механизмам (т.е. каузально-генетически) – этот вид внимания, скорее, похож на внимание произвольное, по крайней мере, включает в себя важные его элементы. Психологи изучают психический процесс как готовый продукт, т.е. как вещь. Но мы, говорит Выготский, должны обратиться к развитию психики, поскольку такое развитие определяет становление психологической феноменологии.

Классическим примером использования каузально-генетического закона при объяснении экспериментальных данных являются эксперименты с использованием методики двойной стимуляции. Как известно, в этом случае дети дошкольного возраста и взрослые демонстрируют сходные результаты при выполнении заданий, связанных с запоминанием и вниманием. Здесь, говорит Л.С.Выготский, мы видим фенотипически сходные проявления, имеющие совершенно разные генетические корни: использование натуральных функций у детей и высших психических (т.е. имеющих опосредованный характер) у взрослых испытуемых.

1.2. Выготский и бихевиоризм.

В 1924 г. Л.С.Выготский переезжает в Москву и поступает в Институт психологии, которым руководил в то время К.Н.Корнилов – один из лидеров реактологического направления. Не удивительно, что Выготский начинает свой научный путь, используя бихевиористскую, поведенческую терминологию. Во-первых, бихевиоризм в 20-е годы прошлого века был одной из наиболее популярных теорий. Во-вторых, родиной поведенческой психологии была Россия. И.М.Сеченов, И.П.Павлов, В.М.Бехтерев, К.Н.Корнилов – эти имена были известны каждому исследователю и не только в России. Наконец, в-третьих, рефлексология в большой степени была поддержана официальной идеологией, победившей в России: поведенческая психология казалась сильным аргументом в пользу материализма.

Во всех статьях Л.С.Выготского этого периода постоянно встречаются термины «реакция» и «рефлекс». Даже главная, программная статья называется «Сознание как проблема психологии поведения». Поэтому использование терминологии, бытовавшей в психологии того времени, не должно удивлять. Но удивительно другое: Выготский сразу же вступил в спор с бихевиоризмом. Уже в первой своей большой статье он полемизирует с рефлексологией. По его мнению, то, что в поведенческой психологии – проблема сознания должна быть выброшена – полный абсурд. Как психолог может изучать человека, не изучая сознание? Наоборот, сознание должно рассматриваться как «рефлекс рефлексов».

Такая формулировка – сознание человека, этого высшего, одухотворенного существа и вдруг – рефлекс! Не удивительно, что исследователи, читавшие Л.С.Выготского в 60-е-70-е годы, составили представление о нем как о бихевиористе. Однако мы должны учесть, что, до 1956 года о Выготском знали очень мало. Ведь после печально известного постановления ЦК ВКПб и Совнаркома СССР 1936 года «О педологических извращениях в системе наркомпроса» его имя упоминалось редко. Только в 1956 году выходит «Мышление и речь», в 1960 году - «История развития высших психических функций» и «Психология искусства» - большие серьезные работы, по которым и судили о Выготском. Но «Психология искусства» многими рассматривалась как искусствоведческая работа, а «Мышление и речь» - сборник статей разных лет, в котором только последняя глава, посвященная проблеме значения, по существу отображает размышления Выготского в последние годы, и даже месяцы его жизни. Поэтому в основном мнение об ученом складывалось на основе «Истории развития высших психических функций». Но, как мы увидим далее, этот труд никак не

может характеризовать общий смысл культурно-исторической психологии. Тем не менее, Выготский считался бихевиористом, который постепенно перешел к механистической теории интериоризации и в конце жизни предпринял попытки построить так и незавершенную теорию значения.

Если больше ничего из трудов Л.С.Выготского не читать, то сложится впечатление, что перед нами исследователь, склонный к бихевиористским выводам. Пример: сравнение сознания с «рефлексом рефлексов». Но, ведь сама постановка проблемы сознания у Выготского антибихевиористична: бихевиоризм отрицает сознание как предмет исследования, Выготский же, наоборот, пытается сознание вернуть в психологию. Причем, эту попытку он сопровождает предположением, что сознание – изначально недоступно непосредственному наблюдению, поскольку представляет собой внутреннее явление: внутренний рефлекс.

Здесь намечается полный пересмотр методологии бихевиоризма. Пускай при помощи старых терминов. Не в этом дело. Сами ярлыки-знаки не имеют первостепенного значения. Важно содержание, которое за ними стоит. Важна методология, которая объединяет эти ярлыки в единую систему. А методология здесь совсем не бихевиористская.

Когда Выготский начинает пользоваться рефлексологической терминологией, он выдвигает одну методологически очень важную мысль. Кстати, то же самое почти теми же словами говорит и С.Л.Рубинштейн, который, как известно, был постоянным оппонентом теории А.Н.Леонтьева и, в определенной степени культурно-исторической теории Л.С.Выготского. Правда, эта мысль у Выготского прописана в его работах, а у Рубинштейна она содержалась лишь в записных книжках, опубликованных недавно. Выготский говорит следующее. Да, действительно, все в мире рефлекс. Но что такое рефлекс? Некоторое воздействие извне на человека, на которое человек отвечает. Книга, которую мы читаем, воздействует на нас? Воздействует. Музыка, которую мы слушаем? Воздействует. Мы реагируем на эти воздействия? Реагируем.

Но то же самое мы можем сказать и про любое животное. Реагирует ли амеба на световое воздействие? Реагирует. Отдергивает ли лапу лягушка, если к ней поднести кислоту? Отдергивает. И Выготский говорит: все в мире рефлекс. Но скажите, продолжает он, чем же один рефлекс отличается от другого. Ведь это – совершенно разные проявления жизнедеятельности. И амеба реагирует на свет, и человек реагирует на роман Достоевского. Разве это – одно и то же? Разумеется, нет. Это – качественно разные реакции. Человеческий рефлекс – это совершенно другое. Человек, кроме условных и безусловных рефлексов – что демонстрирует его родство с животными –

является носителем исторического, социального опыта и способности превращать свои образы в предметы, т.е. способности трудиться. Отсюда вывод, который делает Выготский: слово «рефлекс», распространенное на совершенно разные сферы, перестает что-либо объяснять. Оно уже не работает как научный термин. Термин, который пытается объяснить все – это плохой термин. А ведь в это время рефлексолог В.М.Бехтерев пытался объяснить и войны, и революции, и эстетические переживания при помощи термина рефлекс. Как бы в ответ на книги Бехтерева, Выготский говорит: да, конечно, все это - рефлекс. Но если вы начинаете при помощи этого слова объяснять весь мир, то вы ничего не объясните. Так же, как и гештальтпсихологи, которые пытались построить естественнонаучную психологию, наподобие физики, ничего не могут объяснить при помощи полезного, нужного термина «гештальт». Есть такое явление? Да. Но если мы весь мир пытаемся объяснить при помощи этого термина, мы не объясним ничего. Примеров таких попыток много: у бихевиористов – рефлекс, у гештальтистов – гештальт, у Фрейда – бессознательное, при помощи которого также предпринимаются попытки объяснить самые разнообразные явления. Все это есть, говорит Выготский, - и бессознательное, и реакция, и гештальт, но как только вы начинаете при помощи одного слова объяснять весь мир, ваш термин перестает что-либо объяснять, теряет свою объяснительную силу.

Выготский разработал целую схему развития научной теории, в основе которой лежит эта идея. Он говорит: когда исследователь начинает эксплуатировать одну категорию, старается наполнить ее все новым и новым содержанием, объяснить при помощи этого переполненного понятия все новые и новые факты, это понятие начинает походить на известную лягушку из басни Эзопа, которая лопнула, раздувшись до размеров вола. Вот и понятие «рефлекс» начинает напоминать такую лягушку. Поэтому мы должны найти отличие человека от иных живых организмов. А при помощи категории «рефлекс» это не получается. Мы должны понять, в чем специфика рефлекса человека.

И Л.С.Выготский предлагает известную схему, главным звеном которой является стимул-средство. У человека, говорит он, в отличие от животного, есть орудия, которые он применяет. В процессе интериоризации орудия приобретают форму внутреннего знака. Возникает ситуация, когда человек, делающий что-то руками, в дальнейшем начинает осуществлять сходные операции психологически. Таким образом, образуется «рефлекс» человека. Именно эти проблемы рассматривает Выготский в «Истории развития высших психических функций». Именно эти поиски

специфики человеческого «рефлекса» и привели некоторых выготсковедов к взгляду на теорию Выготского как на бихевиористскую.

На самом деле уже в статье «Сознание как проблема психологии поведения» Л.С.Выготский предпринимает попытки уйти от категориальной сетки рефлексологии. Через некоторое время, к концу 20-х гг. он приходит к выводу: «рефлексом человека» является инструментальный акт, представляющий собой связь стимула и реакции, опосредованную стимулом-средством. Не отрицая наличие рефлекторного акта, он пытается найти другую, более общую схему, которая включала бы в себя и схему «стимул-реакция». Рефлекс человека, говорит Выготский, это – такой рефлекс, где есть и стимул, и реакция, но еще и новое искусственное образование, аналогичное орудию труда, которое мы используем во внешней деятельности. В процессе деятельности это орудие начинает приобретать интериоризованную форму, воплощается во внутреннем плане и становится опосредующим звеном инструментального акта. Инструментальный акт и есть та главная единица, которую должна изучать психология. Он вбирает в себя представление о рефлексе, как измененное видение того, что собой представляет человеческая реакция; в нем – механизм взаимодействия человека с миром.

Надо сказать, эта схема, хорошо известная психологам, многими считается, чуть ли не главным достижением культурно-исторической психологии – ведь она была описана Л.С.Выготским в одном из его основных трудов «История развития высших психических функций», который сегодня мы рассматриваем как классику отечественной психологии. Напомним, однако, что эта книга так и не была издана автором. По-видимому, уже написав ее, он стал рассматривать этот труд как что-то наподобие механики, а Выготский хотел создать теорию относительности в психологии. Наверное, она оказалась неинтересна самому автору. За несколько месяцев ее подготовки Выготский ушел далеко вперед, и его перестала устраивать схема, в основе которой лежит инструментальный акт и теория интериоризации. Действительно, теория интериоризации, если брать ее в изолированном виде, легко сводится к схеме «ученик-учитель», когда учитель извне закладывает знания в ученика. Если оставаться в рамках этой теории, то остается опасность возврата к стимульно-реактивной схеме.

Л.С.Выготский продолжает поиски специфически человеческих «рефлексов», размышляет о том, как уйти от конструкции, предусматривающей только переход извне вовнутрь. И, в конце концов, приходит к понятию «значение». Значение в принципе несводимо к грубым и примитивным схемам наподобие рефлекторного или инструментального акта. Значение – это процесс, опосредующий взаимодействие человека с миром.

1.3. Выготский и марксизм.

Одним из принципов, принятых в качестве основания данной работы, является преимущество нашего анализа по отношению к той теоретико-методологической базе, которая сложилась в отечественной психологии в течение XX столетия. Известно, что философским основанием этой базы был марксизм, который в работах отечественных ученых часто использовался как синоним понятия «диалектический материализм».

В современной России философия марксизма очень часто интерпретируется как лженаучное направление, принесшее отечественной психологии один лишь вред. Однако не стоит забывать, что советские психологи были марксистами. Поэтому, не проведя внимательного анализа диалектико-материалистической компоненты, невозможно понять свою же собственную историю. Напомним одно из высказываний В.И.Ленина: нельзя понять Маркса, не зная Гегеля. Это верно в целом. Верно это и по отношению к отечественной психологии. Невозможно понять нашу историю, не зная теорию К.Маркса.

Л.С.Выготский, конечно, был марксистом. Он любил марксизм и понимал его. Говорят, автор культурно-исторической психологии плакал, когда его однажды обвинили в «немарксизме». Он искренне верил, что единственный путь к психологической науке проходит через диалектический материализм. Нам нужна диалектическая психология, говорил Выготский. Причем, он не хотел «скроить» теорию из пары цитат Маркса. Мне не цитаты марксовы нужны, говорил он, а марксова методология: так, как Маркс создавал свой «Капитал», свою экономическую теорию, так я хочу создать свою психологическую теорию.

В основание своей психологической теории Л.С.Выготский помещает диалектику развития психологического процесса. Но при этом, он, по-видимому, сам о том не подозревая, выступил против существовавшей идеологии. Это утверждение может показаться парадоксальным. И, тем не менее, диалектика полностью противоречила сложившейся в то время идеологии большевизма. Ведь основной принцип диалектики - саморазвитие. Диалектика отвергает точку зрения, в соответствии с которой можно усилиями человека произвольно направить развитие того или иного процесса в заданное русло. Но большевизм, процветавший в России, именно и построен был на идее преобразования окружающего мира. Заметим, что сам Выготский очень рисковал, поднимая тему развития, диалектики в начале 30-х гг. В это время в СССР проблема развития уже была «решена» постановлениями партии и

правительства. Любопытный исследователь, задающий вопросы о закономерностях развития, сразу начинал вызывать подозрения. Впрочем, как сказал В.П.Зинченко, Выготский не успел испугаться. Смерть, по-видимому, спасла автора культурно-исторической теории от судьбы многих его коллег, пропавших в лагерях ГУЛАГа.

2. Философские основания культурно-исторической психологии.

2.1. Выготский – методолог.

Есть целое направление в истории психологии – выготсковедение. Кроме Л.С.Выготского, в отечественной науке, пожалуй, только М.М.Бахтин удостоился чести стать предметом целого научного направления. Выготсковеды до сих пор спорят о том, кто такой Выготский. Ведь он начал свой путь в науке как искусствовед: написал дипломную работу о Гамлете, затем неопубликованную при жизни автора диссертацию «Психология искусства». Выготский занимался психологией, хотя, например Г.П.Щедровицкий считал, что Выготский, скорее, не психолог, а методолог. В последних своих работах, в последних главах «Мышления и речи» Выготский проявил себя как представитель символизма. Когнитивисты считают его одним из основателей когнитивной психологии, поскольку его работы, посвященные развитию понятий – классика исследований познавательной сферы человека. Таким образом, разброс мнений о нем очень велик.

Трудно припомнить другой такой случай, когда какому-то исследователю не нашлось определенного места в сетке научной классификации. Если попытаться все-таки такое место определить, то, по-видимому, справедливо было бы назвать Л.С.Выготского, прежде всего методологом психологии, методологом исследования человека, работающим с применением психологических методик и психологического категориального аппарата.

Правда, критики такой точки зрения могут возразить: ведь у Выготского нет ни одной собственно методологической работы. Ответом на такие возражения может стать высказывание самого Л.С.Выготского: «Есть два различных способа методологического оформления психологических исследований. При одном методология исследования излагается отдельно от самого исследования, при другом она пронизывает все изложение. Можно было бы назвать немало примеров того и другого. Одни животные – мягкотелые – носят свой костяк снаружи, как улитка

раковину; у других скелет помещается внутри организма, образуя его внутренний остов. Второй тип организации представляется нам высшим не только для животных, но и для психологических монографий. Поэтому мы избрали именно его».¹

Работы Л.С.Выготского – не просто стандартные эмпирические исследования, в которых приводится набор полученных эмпирических данных, их обобщение и выводы. Для него эмпирический материал отходит на второй план, а на первый план выступают размышления по поводу этого материала.

И, все-таки, следует сказать несколько слов о кажущемся отсутствии у Л.С.Выготского собственно методологических работ. Известно, что Выготский был болен туберкулезом, и эта болезнь мучила его долгие годы. В 1927 году он попадает в больницу. Врачи говорят, что ему осталось жить несколько месяцев. Несмотря на тяжелое состояние, Выготский попросил принести ему бумагу и начал писать статью, получившую название «Исторический смысл психологического кризиса». Эта работа, увидевшая свет лишь через полвека после смерти автора, и есть методологический труд, в котором Выготский излагает свое видение общепсихологической теории. Всей своей дальнейшей работой он пытался претворить в жизнь замыслы, содержащиеся в этой статье.

В «Историческом смысле психологического кризиса» Выготский раскрывается как последователь гегелевской философии, интерпретируемой с марксистских позиций. Продолжив приведенную ранее цитату, скажем: невозможно понять Л.С.Выготского, не понимая Г.Гегеля и К.Маркса. Можно сказать, что вся научная деятельность Выготского – это психологическая конкретизация идей, развивавшихся в диалектике Гегеля и в марксизме. Точно так же далее мы увидим, что нельзя понять теорию деятельности А.Н.Леонтьева, не понимая всей линии ее развития, начиная с Гегеля. Именно поэтому наш разговор посвящен не истории развития деятельностного подхода, а его методологии, лежащей в основе современной культурно-исторической парадигмы.

Л.С.Выготский говорит, что построить новую психологию можно только на принципах диалектического материализма. Принимая эту философскую основу, он интерпретирует сознание человека как реальный организм. Но этот организм не является материальным в смысле вульгарного материализма, понимавшего материю как то, что «дано нам в органах чувств». Сознание – реально, а психологическая система состоит из двух составляющих: реальной основы и духовной составляющей.

---

¹ Л.С.Выготский. Психология развития человека. М, 2003, с.227.

Подобное образование, которое в отечественной философии получило наименование органической системы, встречается и в работах К.Маркса и в теории А.Н.Леонтьева. Да и у Г.Гегеля можно обнаружить ту же идею, если вспомнить, что абсолютный дух, по Гегелю, есть снятая природа, т.е. также содержит ту реальную составляющую, о которой мы говорим, т.е. в определенном смысле является прообразом той органической системы, о которую позже сделал предметом своего рассмотрения марксизм.

Психология, которая должна быть создана, по мнению Л.С.Выготского, может иметь несколько синонимических наименований: диалектическая психология, общая психология или просто психология, поскольку новая психология, построенная на развалинах старой, пребывающей в кризисе, может быть только диалектической психологией. Очень важно, что Выготский не пытался скроить новую психологию из двух-трех цитат классиков. Главное для него: психология должна быть построена на методологии марксизма. Психология должна быть построена на базе того метода, используя который К.Маркс создал свой «Капитал».

2.2. Выготский о естественности предмета психологии.

А.А.Пузырей в своей книге² неожиданно для всех заявил, что теория Выготского – это неестественная теория, неестественнонаучная психология. Вывод этот сделан на основании того, что в теории Выготского законы, которым подчинен предмет, не независимы от воздействий человека, взаимодействующего с этим предметом. Тем самым психологические законы отличаются от законов естественных наук – физики, химии, биологии. Еще со времен Г.Галилея предполагается, что законы науки неизменны, и это – принципиальные основы естествознания. Мы воздействуем на предмет, изменяя переменные, и смотрим, как меняется этот предмет после проведенных изменений. Тем самым мы как бы вычерпываем законы, которые управляют нашим предметом. Сами же эти законы находятся вне нашего воздействия, мы не можем на них повлиять. То же самое мы можем сказать и про субъект: влияя на объект, мы тем самым не претерпеваем никаких изменений. Действительно, с точки зрения естествознания, либо меняется субъект, когда на него воздействует объект, либо меняется объект, если на него воздействует субъект.

---

² Пузырей А.А. Культурно-историческая теория Выготского и современная психология. М., 1986.

В ходе психологического эксперимента, говорит А.А.Пузырей - а мы скажем, «так называемого» эксперимента, поскольку, по мнению Пузырея, это – нечто другое по сравнению с естественнонаучным экспериментом, - происходит изменение субъекта и объекта: невозможно воздействовать на объект, не изменившись самому. Таким образом, говорит Пузырей, естественнонаучная парадигма не приложима к теории Л.С.Выготского, поскольку ее методология и философия отрицают принципиальную основу естественнонаучности.

Однако в трудах Л.С.Выготского мы видим многократное повторение слов: предметом психологии должен быть естественный предмет, а сама психология должна быть частью естествознания. Если мы хотим понять теорию Выготского, то должны разобраться в этом противоречии. С одной стороны, вполне правомерна точка зрения А.А.Пузырея. Но, с другой стороны, сам Выготский, кажется, утверждает что-то прямо противоположное.

Дело в том, что под естественностью Выготский понимает нечто иное по сравнению с тем, что вкладывали в это понятие представители классической науки. Что же такое естественный предмет для Выготского? Вот, что он утверждает. Предмет психологии – всегда предмет развивающийся, а значит, его можно считать живым организмом, живой системой. Правда, под развитием иной раз понимается и усложнение, и количественное увеличение. У Выготского – совершенно иное понимание развития. Не простое изменение подразумевается здесь. Прежде всего, для Выготского слово «развитие» означает саморазвитие. Предмет, которым занимается психология – обязательно саморазвивающееся образование.

Второе, о чем говорит Л.С.Выготский: в основе психологического предмета всегда лежит некая реальность. В качестве предмета такой реальности Выготский приводит когда-то очень известную цитату В.И.Ленина о критерии материальности: материальное - это все то, что существует вне и независимо от сознания. Правда, тут Выготский подменяет слово материальное на слово «реальное»: реальное - это то, что существует вне и независимо от нашего сознания.

С точки зрения психологии, говорит Выготский, предметом психологии как естественной науки является такой предмет, в состав которого входит реальная основа и который подчиняется законам саморазвития. Более того, этот предмет должен обладать не только реальной основой, но иметь некоторую духовную надстройку: это некий симбиоз духовного (или сознательного) и реального.

Как мы помним, Л.С.Выготский начал свой путь психолога в ситуации подавляющего бихевиористского контекста. Пытаясь преодолеть поведенческое

толкование предмета психологии, он приходит к следующему выводу. Понятие рефлекс в его бихевиористском смысле отрицает сознание. Но психология без сознания – это бессмысленное словосочетание, поскольку поведение не существует без вневещественной «надстройки», которую мы называем внутренним миром человека, его психикой. Иными словами, предметом психологии должна являться «органическая система». Этому термина нет у самого Выготского. Но позже этот термин появился в советской философии. Он означает симбиоз реальной и духовной составляющих, а также подчинение этого образования принципу саморазвития. Подобную органическую систему мы найдем и в экономической теории К.Маркса, где подобным образом представлена категория «товар». После Выготского аналогичным образом трактует категорию «деятельность» и А.Н.Леонтьев.

Таким образом, Л.С.Выготский в качестве предмета психологического исследования начинает использовать то, что мы могли бы назвать «одухотворенным поведением»: поведение, но обязательно одухотворенное. Иначе, по его мнению, категория «рефлекс» бихевиоризма превращается в понятие, которое применяется по отношению к существам, не обладающим сознанием, а это означает, что психология утрачивает свой предмет.

2.3. Выготский и философия Гегеля.

Л.С.Выготский всегда был увлечен философией. По воспоминаниям его одноклассников, еще в школьные годы он, занимаясь в историческом кружке, изучал приложение теории Г.Гегеля к истории. Это особенно важно в связи с тем, что в последнее время появилась точка зрения, сторонники которой утверждают, что диалектические мотивы в теории Выготского является конъюнктурным наслоением, не имеющим ничего общего с истинным содержанием этой теории. Но, как мы видим, интерес Выготского к философии Гегеля был вызван не конъюнктурными соображениями.

Диалектика Гегеля, т.е. наука о саморазвитии объективного духа – вершина развития человеческой мысли, на столетия определившая направление философского теоретизирования. Для философии не только XIX, но во многом и XX века его мысли представляют собой точку отсчета, с которой соотносят себя все последующие философские теории. Это соотношение – гегельянства и последующих философских теорий – можно сравнить, например, с отношением теории З.Фрейда и разнообразных психотерапевтических школ и направлений. Фрейд создал методологию, с которой сравнивают себя все психотерапевтические школы. Точно так же философы, создавая

новые теории, не могут обойти своим вниманием диалектику Гегеля, выражая свое отношение к этой философской системе. Философия Гегеля стала точкой отсчета, от которой идет соизмерение той или иной теории.

В философии Г.Гегеля особый интерес для нас представляет принцип снятия, который пронизывает всю его теорию. Гегель говорит: любая живая система подчинена этому принципу. Даже сам дух, по Гегелю, есть снятая природа, т.е. включает в себя некоторую органическую (как скажем мы, рассмотрев понимание предмета психологии у Выготского) составляющую.

Представим некий объект, который существует и изменяется, развивается во времени. Может показаться, что в процессе развития старый организм исчезает, а на его месте появляется новый. Это – механистическая точка зрения, в соответствии с которой в новом организме ничего не остается от старого. По Гегелю же, если возникает какой-то объект, то на следующем этапе развития он не исчезает, а сохраняется «в снятом виде» в новом объекте. Это означает, что, во-первых, старый объект, действительно, исчезает – в том смысле, что мы не воспринимаем его как какое-то целостное образование. Но, во-вторых (и это – главное), предыдущий объект некоторыми своими свойствами, признаками, качествами обязательно сохраняется в новом, возникшем в процессе развития старого, образовании. В новом обязательно содержится старое. Таким образом, старое не исчезает. Как говорят Л.С.Выготский и А.Н.Леонтьев во втором предисловии к книге Леонтьева «Развитие памяти» старое «схоронено» в новом.

В качестве примера действия закона снятия в нашей жизни можно привести наличие исторической информации, которая в форме генотипа передается нам от многочисленных поколений наших предков. О сходном явлении говорит К.Юнг в своей теории архетипов.

В дальнейшем мы увидим, что принцип снятия важен не только для того, чтобы понять методологию Л.С.Выготского, но и для того, чтобы понять, что произошло с самой теорией Выготского, пришедшего к выводу о необходимости введения в психологию метода единиц.

Важный момент философии Гегеля, без рассмотрения которого нам трудно будет понять теорию Выготского и ее последующее развитие, - это закон единства и борьбы противоположностей. Саморазвитие может происходить только тогда, когда предмет исследования (а предмет психологического исследования всегда – живой организм, органическая система) содержит в себе противоположные начала, поскольку живое – всегда то, что обладает способностью саморазвития. А механизм саморазвития

– борьба противоположных начал организма. В качестве примера приведем биологические понятия ассимиляции и диссимиляции. В любом организме есть два механизма: с одной стороны, мы должны что-то ассимилировать, что-то присваивать извне, с другой – что-то отвергать, отбрасывать ненужные нам вещества. Этот процесс ассимиляции-диссимиляции – процесс, который происходит в одно и то же время, одновременно. Когда амеба усваивает частицу питательного вещества, она что-то присваивает из этого вещества, одновременно разрушая его. Это – одновременный процесс: разрушение, выброс отрицательного и присвоение положительного.

Что собой представляет борьба противоположных начал, образующих предмет психологического исследования? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к формальной логике, по законам которой мы живем. Мы общаемся друг с другом, пишем книги, работаем, учимся и всегда пытаемся делать это в соответствии с законами формальной логики. В наших рассуждениях не должно быть абсурда, логики бреда. Последующее должно вытекать из предыдущего. Правда, так бывает не всегда, но тогда нас критикуют, а мы пытаемся исправить допущенные логические ошибки.

Но в том-то и дело, что формальная логика в нашей действительной жизни не всегда работает. Например, научная классификация построена по законам формальной логики. Но, как показали эксперименты Д.Нормана, в нашей психологической системе классификация производится по каким-то иным законам. Так, понятие «рыба» у большинства его испытуемых – американских школьников старших классов – ассоциируется с понятием «кит», хотя, как мы знаем, это противоречит научным представлениям. Понятие «птица» у тех же испытуемых вызывает образ воробья. Наш внутренний мир живет, не подчиняясь законам формальной логики, которую мы применяем в нашей повседневной жизни и без которой не можем обходиться. Получается парадоксальная вещь: мы общаемся по законам формальной логики, а живем по каким-то другим законам. По мнению Э.Фромма, это – законы парадоксальной логикой, авторами которой он называет Г.Гегеля и К.Маркса.

В классическом естествознании развитие часто рассматривается как физический процесс, подчиненный закону механического детерминизма – один катящийся шар, ударившись о второй шар, передает ему часть своей энергии и вследствие этого второй шар тоже обретает движение. Этому закону подчиняются и рефлексологические представления о развитии, когда изменения поведения объясняются как результат стимулирующего воздействия. Подобные формально-логические объяснения развития пытаются разместить во времени причинно-следственную цепочку, благодаря которой

происходит появление новых физических, биологических, психологических образований.

От естественнонаучного объяснения развития существенным образом отличается диалектическое объяснение саморазвития. Рассуждая о механизмах саморазвития живого организма, мы предполагаем, что такое развитие осуществляется благодаря тем или иным внутренним механизмам, присущим такому организму. Иными словами, мы исходим из предположения, что внутри саморазвивающегося организма имеется составляющая, которая несет в себе основные характеристики организма и, в то же время, представляет собой двуединое образование. Это должно быть чем-то, что не подчиняется законам формальной логики.

В основании формальной логики Аристотеля лежит закон тождества: A должно быть равно A в одно и то же время или в одном и том же отношении. В «Метафизике» Аристотеля мы обнаружим десятки упоминаний этого закона, на котором построено все учение философа. Объект не может быть чем-то другим. Это – вполне здравая мысль с точки зрения нашей повседневной жизни. В данный момент дерево, растущее за нашим окном, не может быть ничем иным. Если только мы спилим это дерево и посадим на этом месте другое дерево, то это будет другое дерево. Но это будет уже в другое время. Это касается любой вещи и каждого из нас. Действительно, мы все меняемся. Сегодня мы – одни, а завтра – будем другими (и с физической и с психологической точки зрения), но в данное мгновение мы тождественны сами себе.

Итак, дерево не может быть не-деревом. Однако, диалектическая, она же парадоксальная, как говорил Э.Фромм, логика утверждает: A может быть равно B в одно и то же время. Более того, гегелевская логика утверждает, что именно этот принцип, прямо противоречащий формально-логическим закономерностям, лежит в основе саморазвития. К.Юнг говорил, вспоминая свои детские годы: когда мне говорят, что A равно A , я в это верил, когда мне говорили « B равно B », это тоже было мне понятно. Но когда мне говорили « A равно B », я считал это жульничеством и надувательством. И эта детская оценка вполне соответствует здравому смыслу, которым мы руководствуемся в нашей повседневной жизни. Диалектика же утверждает – и на этом базируется, – что A равно B . Живой, т.е. саморазвивающийся предмет потому и развивается, что является двуединым образованием. В нем обязательно должно быть и A , и $не-A$, нечто противоположное. Саморазвитие будет происходить только в том случае, если эти две составляющие существуют в данном организме. Эта борьба двух противоположных начал и есть тот импульс, который дает возможность развиваться данному образованию.

Если с точки зрения парадоксальной логики обратиться к рассмотрению саморазвития психологической системы, то мы должны прийти к следующим выводам. Интериоризация и экстериоризация представляют собой две стороны единого процесса взаимодействия человека с окружающим его миром. Когда мы вступаем в такое взаимодействие, никогда не бывает так, чтобы сначала что-то «вычерпывалось» извне, а затем – нечто «выплескивалось» бы наружу. Никогда не бывает так, чтобы сначала происходила интериоризация, а потом экстериоризация (или наоборот). Процесс идет одновременно: интериоэкстериоризация (или экстериоинтериоризация).

Второй вывод, к которому нас приводит диалектическая логика: смысл и значение как два состояния деятельности не могут не существовать одновременно. В каждый момент, в каждое мгновение времени эта деятельность должна быть не смыслом, не значением, а единством этих двух составляющих. Если угодно, это – смыслозначение или значениесмысл. Эти составляющие не разделены в деятельности (или в аффективном поле, как говорил Л.С.Выготский). Эта целостность не представляет собой сумму каких-то мельчайших частиц.

Здесь стоит припомнить древнегреческих натурфилософов, которые пытались объяснить, что такое единство первоначал. Например, если принять, что все состоит из единства воды и земли, то это вовсе не должно вызывать в нашем сознании образ грязной взвеси, когда в мутной воде плавают частицы земли. Единство в диалектическом смысле не означает перемешивание, хотя и трудно представить себе чувственный образ такого единства. Необходимо уйти от чувственной ткани образа и попытаться помыслить действительное единое целое – деятельность (психологическую систему), в которой нет отдельно смысла и отдельно значения, но есть процесс, который нельзя разделить на отдельные элементы.

Гегелевская диалектика утверждает: когда мы говорим о противоположных началах, которые вступают в противоречие и дают импульс к саморазвитию, мы должны найти то целое, целостный организм, в состав которого входят эти противоречивые образования. Иными словами, мы должны задаться вопросом: что представляет собой тот целостный организм, в который эти образования входят. В данном случае мы используем понятие «организм» в широком смысле слова, не только как биологический организм - таким организмом может быть и живая, способная к саморазвитию деятельность человека. Если, например, мы встретимся с утверждением, в соответствии с которым существует диалектическое противоречие между объемом знаний, которые должен усвоить школьник, и его интеллектуальными возможностями, мы должны спросить автора данного утверждения: что собой представляет

саморазвивающееся целое, в которое входят и составляют в нем диалектическое единство (т.е. представляют собой вневременное, мгновенное единство), с одной стороны, объем знаний, а с другой стороны, интеллектуальные способности школьника. Если таким целым является ученик, то мы должны понять, каким образом эта целостность соотносится с составляющей «объем знаний». Если это – нечто внешнее по отношению к ученику, мы не можем говорить о диалектическом единстве. Если же это – интериоризованная структура, превращенная, таким образом в составляющую внутреннего мира ученика, то такое единство мы можем признать диалектическим и продолжить наше исследование соотношения этих двух составляющих: внутреннего объема знаний и интеллектуальных способностей. Правда, такая интерпретация данного диалектического единства вызывает множество вопросов, но это выходит за пределы нашей темы. В любом случае, услышав о диалектическом противоречии между некоторыми явлениями, а значит, о таком противоречии, которое является источником саморазвития, мы сразу же должны задаться вопросом: что является тем целым, в состав которого входят данные составляющие. Так, теории Л.С.Выготского подобным целым выступает аффективное поле. В теории А.Н.Леонтьева, как мы увидим далее – деятельность.

2.4. Временные характеристики саморазвития.

Если мы примем точку зрения парадоксальной логики, то с необходимостью должны будем ввести понятие «момент времени», обозначив этим термином абстрактную «точку» на оси времени - аналог точки пространства. Именно в этой временной «точке», в этом «моменте» происходит объединение двух противоположностей единого целого: в нашем случае – смысла и значения. Но, как мы условились, смысл и значение в каждое мгновение не могут не составлять единства – ведь саморазвитие континуально, оно происходит ежемоментно. Таким образом, мы должны представить себе такой мир, в котором отсутствует время. Время в нашем традиционном понимании – время как объективное однонаправленное явление – исчезает. Иначе в терминах гегелевской философии и культурно-исторической парадигмы объяснение существования саморазвития становится крайне затруднительным.

Здесь важно применение принципа континуальности. Если мы захотим представить существование состояний «А» и «не-А» как процесс, протекающий в привычном объективированном времени, и изобразим этот процесс при помощи временной шкалы, состоящей из микрочастиц времени, то мы должны будем сказать,

что А существует в одной микрочастице времени, а не-А – в другой такой микрочастице. Таким образом, мы снова возвращаемся к аристотелевскому закону тождества. С точки зрения гегелевской диалектики, это невозможно: саморазвитие возможно только в том случае, если А и не-А совпадают во времени. Но тогда время как привычная для нас объективная характеристика мира, исчезает. С позиции диалектики, имеется вневременное состояние организма – мгновение, «точка» времени – в котором совпадают А и не-А. Время здесь – континуум, бесконечная совокупность «точек».

В этом вневременном противостоянии А и не-А происходит возникновение нового качества, организм переходит в новое состояние. Из наиболее известных примеров этого процесса вспомним ассимиляцию и диссимиляцию, когда организм должен одновременно и разрушать поглощаемое вещество и строить из него новые структуры. Но так же устроены и процессы интериоризации и экстериоризации, которые не могут происходить таким образом, что сначала человек набирает извне некоторую порцию информации, а затем – выплескивает ее вовне. Можно сказать, что, в соответствии с точкой зрения Л.С.Выготского, есть некоторое психологическое состояние, которое мы, используя его терминологию, называем значением. Это состояние, как единица анализа – а, значит, и все целое, вся психологическая система – обладает двумя сторонами, имеет двуединую сущность. Это – не значение-для-себя, превращающееся затем в значение-для-других, в свою очередь превращающееся в значение-для-себя и т.д. и т.д. Это – двуединая сущность: она – одновременно и значение-для-себя, и значение-для-других, т.е. и смысл, и значение. Только в этом случае – если одновременно она есть и А, и не-А - эта сущность может быть механизмом, источником саморазвития психики человека.

Может показаться, что наши рассуждения носят слишком отвлеченный характер. Однако, при помощи таких, казалось бы, предельно абстрактных понятий мы обсуждаем реальное устройство психики человека. В отличие от тех абстракций, посредством которых исследователи - наподобие того, как это происходит в эксперименте - пытаются проанализировать те или иные, отдельные стороны, аспекты психики, мы, следуя призыву Л.С.Выготского, пытаемся рассмотреть психику во всей ее целостности. Попытка выяснить механизмы саморазвития исследуемого нами предмета является приближением к конкретике, к пониманию того, как на самом деле он функционирует.

Разумеется, «исчезновение» времени (а в дальнейшем мы будем говорить и об «исчезновении» пространства), происходящее в ходе наших рассуждений, не означает

действительного исчезновения того времени и того пространства, которые составляют основу нашей повседневной жизни. Речь не идет о том, что пространство и время пропадают для нас. Мы говорим о тех категориях, которые являются предметом осмысления психологов. Исчезает не то пространство, которое нас окружает, а то пространство, которое мы пытаемся поместить в реальность, находящуюся за пределами нашего сознания.

Наш анализ приводит к выводу. Психолог-исследователь, изучая свой предмет, не может его чувственно воспринимать. В то же время он пытается использовать пространственно-временных характеристик: «внешнее – внутреннее», «сначала – потом». Методология культурно-исторической парадигмы предполагает существенное переосмысление содержания этих и других пространственно-временных категорий, которыми мы привыкли оперировать в ходе психологического исследования. Подчеркнем еще раз: исчезает не пространство и время, а описание пространства и времени в привычных для нас терминах.

3. Единица психологического анализа с точки зрения культурно-исторической психологии.

3.1. Антиэмпиризм Выготского.

Рассматривая кризис современной ему психологии, и критикуя тех, кто считает его причиной существование «многих психологий», Л.С.Выготский приходит к выводу: главным здесь является эмпиризм, выступающий в двух основных формах: натуралистической и интроспективной. Подтверждение своей точки зрения Выготский находит в состоянии прикладной психологии - движущей силы психологического кризиса: существующая психология не выдерживает соприкосновения с практикой. Выход из создавшегося положения Выготский видит в построении новой психологической методологии. Нужна диалектика психологии, - утверждает Выготский.

Естественнонаучная психология возникла во второй половине XIX века. Причиной этого стало бурное развитие естествознания. Начиная с XVII века человечество накопило огромное количество информации, добытой благодаря, прежде всего, эксперименту, применявшемуся в физике, химии, биологии. Это открытие – эксперимент – на протяжении двух столетий позволяло человеку ощущать себя царем природы, главным существом на нашей планете.

Психологи захотели приобщиться к потоку открытий, внести в него свою лепту. Ради этой благой цели они сделали эксперимент своим главным методическим приемом. Символическим актом в истории психологии стало создание В.Вундтом в 1879 г. в Лейпциге первой психологической лаборатории, в которой было получено большое количество экспериментальных данных. Правда, сам Вундт не ограничился одними только экспериментальными исследованиями. Кроме естественнонаучной психологии, он основал гуманитарную психологию народов.

Итак, экспериментальная психология стала отождествляться с самой психологией. Возникает вопрос: что такое эксперимент? Служит ли он средством познания предмета психологии? Дело в том, что в естествознании, в конце XIX столетия фактически попавшем во власть философии позитивизма, считалось, что главное в эксперименте - манипуляции с чувственно воспринимаемыми предметами. И чем больше таких манипуляций производится, тем ближе познание законов, управляющих такими предметами.

Но на самом деле эксперимент является не приближением к реальности, а абсолютным уходом от нее. Действительно, давайте представим, что происходит во время проведения эксперимента, например, в лаборатории И.П.Павлова. Здесь собаку помещают в искусственные условия, в изолированное помещение, стараются обездвижить, обвязывая ремнями, вставляют в слюнную железу фистулу, из которой по трубке вытекает выделяющаяся при виде пищи слюна. Экспериментатор в это время делает записи в соседней комнате. Он фиксирует количество делений, на которое поднимается слюна в пробирке после предъявления голодной собаке пищи. Таким образом, собаку стараются превратить в препарат.

После этого исследователь начинает производить обобщения. На первом уровне делаются какие-то первичные выводы о зависимости количества слюны от тех условий, в которых собаке предъявляются условные и безусловные раздражители. Далее делается вывод на новом уровне обобщения: так работает вся нервная система высших животных, включая человека. Далее: так работает высшая нервная деятельность. И, наконец: так работает душа человека. Происходит переход от записей о количестве слюны к грандиозному выводу о механизмах функционирования души человека. На основании работы совершенно оторванного от реальности препарата делаются обобщения самого разного уровня – вплоть до глобальных философских обобщений. Часто так происходит в психологической науке, основным методом которой является эксперимент. Конечно, это не означает, что экспериментальный метод должен быть выброшен из психологии. Просто следует помнить, что, как и любой другой метод,

эксперимент имеет свои ограничения. Нужно всегда помнить о проблеме операционализации, обозначающей сопоставимость выводов с конкретными результатами экспериментального исследования. Если мы получаем в эксперименте разное количество собачьей слюны, то вряд ли это служит достаточным основанием для выводов о работе души человека.

Против такого обобщения выступил Л.С.Выготский. А сделал это он в то время, когда после работ О.Конта – основателя позитивизма – с середины XIX века это философское направление захватило основные позиции не только в науке, но и в умах большинства людей. Позитивизм провозгласил, что только чувственно воспринимаемая информация дает нам истинные знания о мире. И изучать этот мир мы должны при помощи эксперимента. Позитивизм проник и в советскую идеологию, считавшую своей философской базой марксизм. Но в марксизме есть тезис: критерий истины – общественно-историческая практика. Советский позитивизм убрал слова общественно-историческая, и осталось: критерий истины – практика. А что такое практика в науке, задает вопрос советский позитивизм, присвоивший себе имя диалектики. И отвечает: практика в науке есть эксперимент. Проводим эксперимент - получаем истину.

Л.С.Выготский оказался тем человеком, который в разгар позитивистской эйфории сказал: эксперимент не дает истинное знание, а дает некоторое представление о работе препарата, если поместить его в искусственные условия, произвести «очистку» воздействий, оказываемых миром на этот препарат (воздействия, таким образом, превращаются в переменные). Эксперимент позволяет получить представление о соотношении переменных.

Кого изучает психология, задается вопросом Л.С.Выготский, препарат человека или самого человека? И отвечает: разумеется, человека. У него это звучит так: не мышление мыслит, не память запоминает, не восприятие воспринимает, а человек мыслит, помнит, воспринимает. Поэтому человек должен быть исследован во всей своей целостности. Когда мы производим эксперимент, мы разрушаем эту целостность.

Л.С.Выготский был не одинок в своей оценке естествознания начала XX века. Один из представителей российской школы экзистенциализма Н.А.Бердяев такое отношение к человеку назвал гносеологизмом. Когда мы пытаемся найти отдельные элементы внутреннего мира человека при помощи эксперимента, мы пытаемся расщепить внутренний мир на отдельные составляющие. Это, например, пытался сделать В.Вундт, искавший простейшие элементы сознания и эмоциональной сферы человека: давайте найдем простейшие элементы сознания, говорил он, определим их качества, потом мы их сложим и получим целостного человека. Так не получится,

отвечает Выготский. Человек изначально целостен, и изучаться он должен изначально как целостное существо, а для этого метод эксперимента не подходит. Эксперимент не может служить релевантным психологическим методом.

Значит, необходимо найти такой метод, который позволил бы изучать предмет психологии во всей его целостности. Таким методом является метод анализа по единицам, говорит Л.С.Выготский, определяя единицу как часть целого, содержащую в себе основные свойства этого целого. Хорошо известно, что такой единицей он называл значение.

3.2. Что такое реальность?

Обратившись к проблеме метода в теории Л.С.Выготского, мы должны рассмотреть, как в этой теории трактуется понятие реальности, составляющей основу предмета психологической науки. Любой исследователь признает существование так называемой объективной реальности, мира, существующего вне «я». Это – один из главных постулатов научного исследования. Психология всегда пыталась ответить на вопрос: является ли ее предмет формой такой реальности? Фактически, смысл этого вопроса сводился к следующему: представляет ли собой предмет психологического исследования нечто, сходное с тем, что мы воспринимаем при помощи наших органов чувств? Тем самым психология интерпретировала проблему своего предмета в соответствии с картезианской дихотомией телесной, материальной, протяженной субстанции и субстанции непротяженной - сознания. Материальный, чувственно воспринимаемый мир при этом рассматривался как реальность, независимо от того, признавался ли этот мир первичным или вторичным по отношению к миру идей. Идеальный же мир, в том числе и внутренний мир человека, в различных философских школах трактовался по-разному.

В так называемых идеалистических философских школах внутренний мир человека - истинная, первичная реальность. Эта точка зрения зародилась в восточной философии. Проиллюстрируем ее при помощи следующего примера. Есть ваза. Это – нереальное явление, потому что если ваза разобьется, то ее не будет. Осколки вазы могут быть измельчены. Это тоже не реальность, потому что существует не всегда. Всегда существует только некая абстрактная материальность, из которой происходят и пыль, и осколки вазы, и сама ваза. Эта концепция проникла в европейскую философию через учение Платона, утверждавшего, что чувственное восприятие есть мнение, т.е. неправильная, искаженная информация о том, что существует вокруг нас. Мнения даны нам при помощи чувственного восприятия. Истинное же знание дает нам только

приобщение к миру истин, идей. Такое приобщение происходит путем припоминания: мы припоминаем мир, который есть на самом деле и в котором наша душа когда-то пребывала.

В материалистических теориях чувственно данный мир рассматривался как первичная и даже единственно возможная реальность. В последнем случае в качестве критерия реального была принята точка зрения, уже упомянутая нами выше – реально то, что существует вне и независимо от нашего сознания. Эта точка зрения была принята Выготским.

Здесь стоит привести одно из высказываний Л.С.Выготского: «Психика построена по типу инструмента, который выбирает, изолирует отдельные черты явлений: глаз, который видел бы все, именно поэтому не видел бы ничего, сознание, которое сознавало бы все, ничего бы не сознавало, и самосознание, если сознавало все, не сознавало бы ничего. Наш опыт заключен между двумя порогами, мы видим лишь маленький отрезок мира; наши чувства дают нам мир в выдержках, извлечениях, важных для нас. Внутри порогов они опять отмечают не все многообразие применений, а переводят их опять через новые пороги. Сознание как бы прыжками следует за природой, с пропусками, пробелами. Психика выбирает устойчивые точки действительности среди всеобщего движения. Она есть островки безопасности в гераклитовом потоке».³

Если мы посмотрим на рис.1, то увидим на нем кривую линию и некий порог, который эта линия иногда преодолевает. Попробуем при помощи этого рисунка проинтерпретировать только что прочитанную фразу Л.С.Выготского. Все, что изображено на этом рисунке - реальность. Но та реальность, которая находится ниже порога сознания, не «презентирована» нам, если воспользоваться термином А.Н.Леонтьева. Эта часть реальности не дана нашему сознанию. Сознание как будто перепрыгивает с островка на островок: от «островка» А к «островку» В, далее – на «островок» С и т.д. Мы не знаем того реального мира, который находится ниже линии порога, но оттого, что мы его не можем воспринимать при помощи органов чувств, этот мир не становится менее реальным. Собственно, частью этого огромного, таинственного мира и является предмет нашей науки. В результате этих «прыжков» сознание «выдергивает» и дарит нам «кусочки» действительности. Часто мы считаем, что нам дана вся реальность, и стоит лишь создать еще один прибор, увеличивающий различительные способности наших органов чувств, как откроется еще один кусочек

реальности. Но Выготский как раз и утверждает нечто прямо противоположное: наше сознание устроено так, что ему в принципе не нужна «вся» реальность. Нам дано осознать лишь малую часть окружающего нас мира.

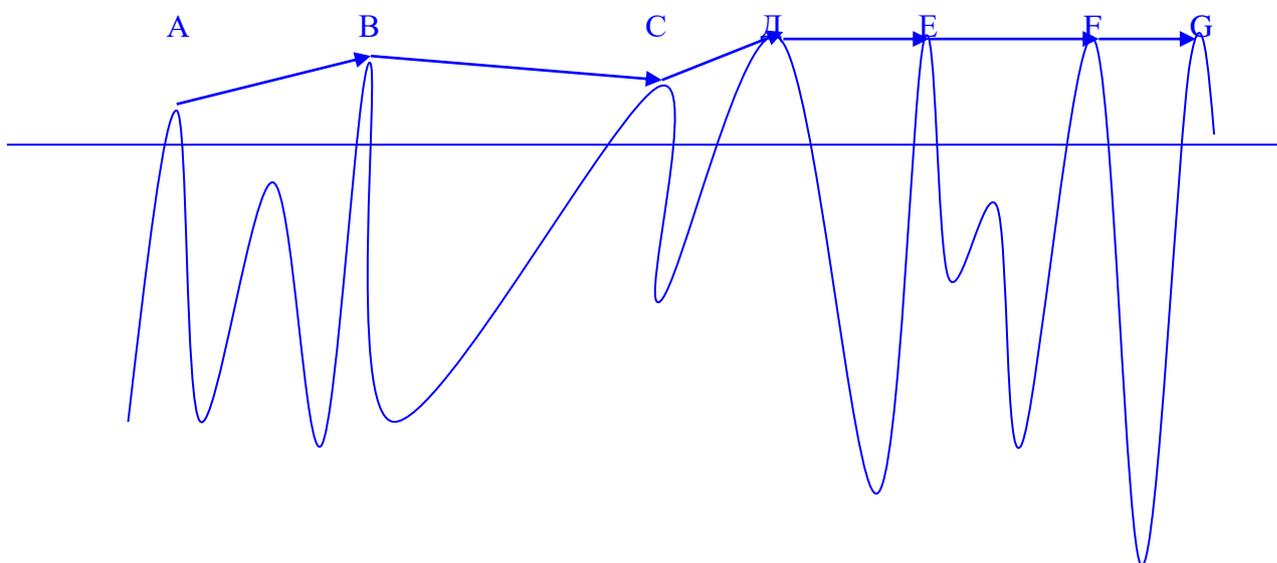

Рис.1

С аналогичными концепциями мы можем встретиться в, казалось бы, далеких от культурно-исторической психологии теориях. Например, в герменевтике. Первый объект герменевтического исследования – Библия, которая состоит, как говорят нам представители герменевтики, из символов. Эти символы (на нашем рисунке им соответствуют точки А, Б, С и т.д.) сигнализируют, рассказывают о какой-то реальности (о том, что располагается под пороговой линией), которая скрыта за ними, и которую мы можем познать, если эту символику расшифруем.

Но давайте возьмем любую сложную книгу, сложный текст. Есть такие авторы, тексты которых требуют многократного прочтения, и только после этого становится понятным тот мир, который описывает автор. «Перепрыгивая» от точки к точке – от одной мысли автора к другой, мы ухватываем некий скрытый смысл текста, но снова и снова возвращаемся к прочтению, находим новые точки (смысловые узлы) текста.

Автор текста пытается при помощи формально-логических построений рассказать нам о том, как он понимает предмет своего исследования, будь этим предметом Анна Каренина в романе Л.Н.Толстого или движение элементарных частиц в вакууме в монографии по фундаментальным проблемам физики. Но автор не в состоянии раскрыть перед нами весь свой внутренний мир. Он показывает лишь отдельные кусочки того, что называется духовным миром человека. И рассказать, о чем

написан тот или иной текст, автор не может, не утратив большую или меньшую часть своего понимания. «Про что Ваш роман?» - спросили Льва Толстого. «Прочитайте – вот про это и есть мой роман», - ответил он. Автор предлагает нам свои «островки», изображая реальность, которая и от него самого по большей части скрыта – не подвластна логическому изображению. А мы, читатели должны искать в этом авторском понимании свои «островки» и пытаться восстановить тот мир, который дарит нам автор.

Несколько забегаая вперед, уже теперь скажем: и деятельность человека (которую представители герменевтики также предлагают рассматривать в виде сложного текста) дана сознанию человека лишь в форме отдельных «островков». Именно эти «островки» бихевиористы воспринимали как единственный предмет психологической науки. Но, как мы видим, методология культурно-исторической парадигмы предполагает поиск своего предмета – деятельности человека – за пределами тех возможностей, которые ограничены чувственным восприятием.

3.3. Что такое единица психологического анализа?

Мы помним определение единицы, данное Л.С.Выготским: это – «часть» предмета исследования, которая содержит в себе его основные признаки. У Выготского нет других определений единицы. При помощи этого понятия он пытается исследовать предмет психологии. Однако, называя значение единицей, он использует понятие «единица» в качестве объяснительного принципа, т.е. при помощи этого понятия объясняет нам свое понимание значения. Как предмет исследования понятие «единица» Выготским не используется. Нам остается только догадываться, что же это такое: «единица психологического анализа». В работах Выготского нет развернутой картины, развернутого определения этого термина. Нам придется сделать это самим.

Если мы откроем самые разные психологические тексты, то обнаружим следующую закономерность. В любом тексте есть ключевое понятие, которое постоянно употребляется автором: «озабоченное присутствие» у М.Хайдеггера, «карнавализация» (а может быть, и «поступок») у М.М.Бахтина, «установка» у Д.Н.Узнадзе, «рефлекс» у И.П.Павлова и т.д. и т.п. Если внимательно проанализировать роль этих понятий, в том числе и понятия «значение» у Л.С.Выготского, то мы обнаружим у них сходную функцию: они все выступают как «заместители» предмета исследования. Если мы внимательно прочитаем работы Выготского, то и там обнаружим отдельные понятия, которые на каждом этапе развития его теории играют ключевую роль, как будто выступая в форме таких

«заместителей». Можно сказать, что при помощи этих понятий автор словно моделирует предмет своего исследования. В этом и состоит главная функция единицы психологического анализа: это модель предмета исследования, в которой заключено авторское понимание этого предмета.

Но чтобы более полно раскрыть содержание категории «единица анализа», мы не можем ограничиться только этим кратким определением функции, которую выполняет единица психологического анализа. Мы должны обратиться к принципам так называемого системного подхода, который использовал в своем творчестве Л.С.Выготский, сам, безусловно, обладавший системным мышлением. Термин «психологическая система», использованный Выготским, нельзя считать случайным. Автор культурно-исторической психологии пытался изучать предмет психологического исследования как систему. И принципы системного подхода, кстати, использовавшиеся и К.Марксом в процессе создания его экономических трудов, Выготский пытался использовать в своей методологии.

Есть три главных аспекта системного подхода, которые мы должны применять в любом исследовании. Мы начинаем исследовать предмет, задавая вопрос: для чего он предназначен, в чем его функция? Собственно, с этого мы и начали, определив единицу как модель предмета исследования.

Второй аспект системного подхода - развитие. Невозможно понять предмет исследования, ограничивая себя анализом его функциональных характеристик. Мы должны понять историю его развития, используя самые разные способы. Например, Л.С.Выготский применял онтогенетическое изучение формирования понятий, а А.Н.Леонтьев - филогенетический анализ развития деятельности.

Генетический анализ, применяемый Л.С.Выготским, основан на важном методологическом принципе, заимствованном им в работах К.Левина. Это – так называемый каузально-генетический закон. Когда мы рассматриваем предмет в его сегодняшнем состоянии, говорит Левин – то тем самым изучаем только внешний вид предмета, его фенотипическую составляющую. Выготский сформулировал эту идею следующим образом: старая психология берет предмет, психику человека как вещь, а не как процесс, поэтому она и не могла понять закономерности, в соответствии с которыми этот предмет функционирует. Мы, продолжает Выготский, должны рассматривать историю предмета, его генезис, рассматривать предмет психологии как каузально-генетическое, т.е. причинно-историческое явление.

Вернемся к нашему рисунку. Сознание, прыжками следующее за природой, дает нам фенотипический образ явления. Но мир каузально-генетический находится за

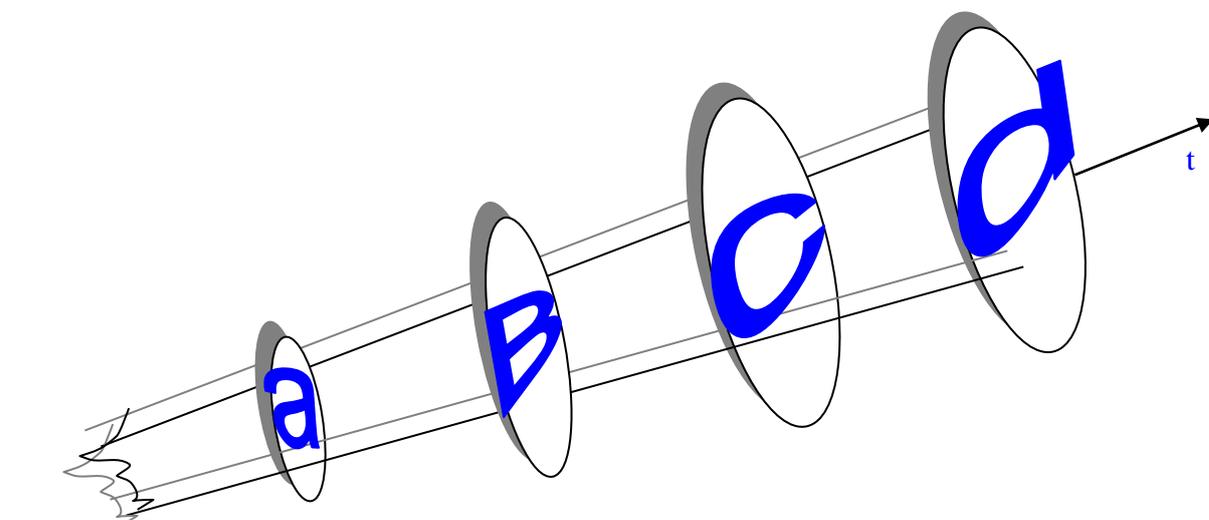
пределами нашего чувственного восприятия, за пределами сознания. Сознание не дает нам, не презентует каузально-динамический мир. Мы должны открыть его при помощи дополнительных исследований. Рассматривая мир как совокупность вещей, т.е. фенотипически, мы стараемся установить причинно-следственные отношения между «островками», т.е. между теми кусочками, которые дает нам наше сознание. Мы делаем это при помощи законов механического детерминизма, используя математические и формально-логические формулы. Мы располагаем причины и следствия во времени, полагая, что предшествующий во времени «островок» является причиной последующего во времени «островка». На самом же деле, с точки зрения Л.С.Выготского, причины того, что дают нам «островки» сознания, скрыты за его порогом, в мире той реальности, которая не дана нам при помощи органов чувств.

Эту идею можно проиллюстрировать одним из примеров, который Л.Леви-Брюль приводит в своей книге о первобытном мышлении. Леви-Брюль рассматривает пример, из которого видно, что в отличие от современных научных представлений, в первобытном мышлении причина и следствие не связаны временной зависимостью. Здесь причина и следствие подчиняются «сопричастности» какому-то целому, в контексте которого они определяют и взаимодетерминируют друг друга. Говоря словами Леви-Брюля, в первобытном мышлении причинно-следственные отношения подчиняются закону партиципации. «В 1888 г. Номоа, вождь из Мабуйяге, который убил, быть может, больше дюгоней, чем любой из его соплеменников, хвастал однажды передо мной, что он никогда не знал неудачи, - передает Леви-Брюль рассказ одного из исследователей. – Спустя очень немного времени он отправился на охоту за дюгонями и потерпел неудачу: он не только промахнулся, но и сломал наконечник гарпуна. Я думаю, что на следующий день он снова вернулся с пустыми руками. Дня через три или через четыре после этого в селении умер ребенок, а затем две женщины. Тотчас же Номоа сказал мне, что неудача его объяснилась; он счастлив при мысли, что если он потерпел неудачу с дюгонями, то в этом была не его вина». Таким образом, - делает вывод Леви-Брюль, - между неудачной охотой и несчастьями, которые случаются через несколько дней, оказывается мистическая связь, которой удовлетворяется пра-логическое мышление. Было бы, однако, трудно сказать, что здесь причина, а что следствие, если брать причину в смысле antecedenta (т.е. предшествующего явления): с одной стороны, неудачная охота объясняется смертями, которые случаются после нее,

а с другой стороны, неудачная охота является предвестницей, т.е. в известном смысле и причиной последовавших смертных случаев»⁴

Первобытное мышление воспринимает те или иные «островки» реальности, но чувствует их сопричастность, т.е. скрытую от сознания взаимозависимость. Первобытный человек, ощущая мир, воспринимая его как чудо (хотя, не исключено, что чудом это восприятие считаем мы – современные люди, а не сам первобытный человек), не подчиняется закону механической причинности. Для вождя племени, который не сумел убить оленя, начинается трагическое состояние, которое вполне может исчезнуть, если он узнает, что через несколько дней в отдаленном селении умерла женщина. Удивительным, чудесным называем мы эту особенность первобытного мышления: событие, произошедшее не до, а после другого события, называется его причиной. Вот, почему я не убил оленя, говорит неудачливый охотник: потому что через несколько дней после этого в соседней деревне умерла женщина. Причина обоих событий, данных сознанию – неудачная охота и смерть женщины – скрыта от сознания за его порогом, в мире нечувственной реальности.

Третий аспект системного подхода – структура предмета. Изучая структуру, мы производим анализ, т.е. пытаемся разобрать изучаемое на составные части. Так ребенок, разбирающий игрушку, анализирует ее. Это – самое первое в нашей жизни исследование структуры. Изучая наш предмет, мы пытаемся понять, из чего, из каких элементов он состоит. Однако, самое важное – понять, как структура предмета психологии соотносится с самим процессом психического, т.е. с его развитием. Для большей наглядности попробуем изобразить это соотношение при помощи следующей иллюстрации (рис.2).

⁴ Л.Леви-Брюль. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999, с.224-225.

Рис.2.

На рис. 2 мы попробовали схематично изобразить протекающий во времени (на что указывает стрелка t) процесс индивидуального развития психики. Давайте сделаем несколько «срезов» на потоке психического и обозначим их А, В, С. Этот образ среза фактически изображает наш образ мира, моментальный снимок этого образа. П.Я.Гальперин удачно назвал образ «бывшей психикой». Действительно, в каждый момент времени мы видим мир именно так, как дает нам его наше сознание. Но в этом моментальном образе содержится только то, что уже было, то, что «накоплено» процессом психического. Моментальный «срез» дает нам только застывшее бывшее психическим процессом мгновение назад, но в данное мгновение – это уже другое, еще не воспринимаемое нами. Это будет осознано нами в следующее мгновение и снова даст нам структурную картину бывшего живого процесса, существовавшего мгновение назад. В образе – все, что было мгновение назад.

Структурные образования – необходимый элемент нашей психической жизни. Действительно, когда мы хотим, чтобы нас поняли, мы пытаемся это выразить при помощи какого-то языка, при помощи слов, текстов, иногда – при помощи схематичных схем и рисунков. Превращая поток психического в такие структурированные формы, мы, тем самым, передаем вовне, экстериоризируем содержание наших смысловых состояний.

Проиллюстрируем сказанное при помощи примера из истории психологии. Во второй половине XX в. бурно развивалось моделирование психики. В этом, в частности, преуспели представители когнитивной психологии, основная идея которой состояла в том, что человек представляет собой сложный механизм переработки информации. На рис. 3 мы изобразили, не претендуя на абсолютное соответствие какому-то конкретному исследованию, небольшую иллюстрацию, демонстрирующую принцип построения таких моделей. Информация через «блок» ощущений поступает в «блок» восприятий, оттуда через память, которая, в свою очередь, может быть разделена на кратковременную и долговременную, попадает в «блок» мышления. Параллельно с перечисленными блоками существует «блок» внимания, способствующий переработке информации в памяти и мышлении.

Зададимся вопросом: отображают ли подобные модели тот процесс, о котором говорит современная психология – процесс актуал-генеза психики человека? Очевидно, нет. Но значит ли это, что подобное моделирование и подобные иллюстрации не

должны применяться? Конечно, нет, поскольку общаться по-другому мы просто не можем. Можно спорить о содержании той или иной модели, соглашаться или не соглашаться с принципами ее построения, но мы не можем обойтись без иллюстраций, так же как не можем обойтись без текстов и слов.

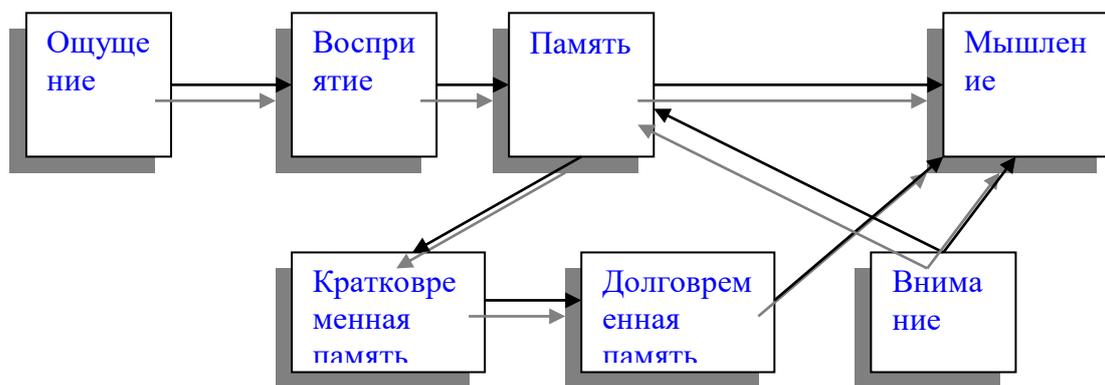

Рис.3.

На одном из «срезов», изображенных на рис.2, поместим рисунок 3. Это и есть структурный аспект психологического процесса. Теперь введем важный термин: «моментальный срез» процесса. Срез процесса мы называем моментальным, поскольку эта схема верна только для данного момента. Она такова только в данное мгновение, и уже в следующее мгновение приобретает иное содержание, иное содержательное наполнение. Однако, в этом мгновенном срезе уже содержится вся история развития данного предмета, т.е. предмета, структура которого анализируется нами в данном конкретном случае.

Это можно сравнить с сюжетом художественного произведения. Каждое предыдущее звено сюжета входит в последующие звенья. Сюжет – не развернутая во времени цепочка. Каждое звено сюжета обязательно входит в следующее: в следующее действие, в следующий акт, в следующий поступок. Все это, конечно, должно быть «замотивировано». Или, следуя гегелевской диалектике, старое должно входить в новое. Каждый структурный элемент художественного произведения, например, поступок того или иного героя, не может быть оторван от предыдущего повествования. Он должен логически из этого повествования вытекать, так, чтобы логика действия была понятна читателю или зрителю театрального действия.

4. Зарождение психологической теории деятельности.

4.1. Этапы развития теории Выготского.

До сих пор внимание выготсковедов привлекает разнообразие теорий, созданных Л.С.Выготским за десять лет научной деятельности. Период с 1924 по 1927 гг. можно назвать этапом критики рефлексологии. Это – период, границей которого является создание работы «Исторический смысл психологического кризиса». Здесь Выготский проводит переосмысление ранее сделанного. Примерно до 1931 г. продолжается второй этап, основные итоги которого подведены в неопубликованной автором «Истории развития высших психических функций». Здесь в центре внимания – понятие «инструментальный акт», при этом осуществляется построение теории интериоризации, а также вводится принцип опосредования. Наконец, последний этап – это исследования, посвященные проблеме развития понятий, завершающиеся размышлениями о роли значения как единицы психологического анализа. Идеи этого этапа венчает теория речевого мышления, изложенная в книге «Мышление и речь».

Некоторые исследователи считают, что в психологическом творчестве Л.С.Выготского можно выделить еще один, ранний этап, запечатленный в работах «О Гамлете» и «Психология искусства». Завершая учебу в университете Шанявского, для написания дипломной работы Л.С.Выготский выбрал одно из своих любимых произведений – «Гамлет». Через полвека это исследование – «Трагедия о Гамлете, принце Датском, У.Шекспира» - было опубликовано в качестве приложения ко второму изданию книги «Психология искусства».

В этой статье есть слова, которые могут стать эпиграфом любой курсовой или дипломной работы современных студентов. Он пишет: «Художественное произведение (как и вообще всякое явление) можно изучать с совершенно различных сторон; оно допускает бесчисленное и неограниченное множество толкований, множество разных подходов, в неисчерпаемом богатстве которых – залог его неувядаемого значения. Поэтому бесплодными кажутся нам споры, которые ведутся различными направлениями и школами в критике. Критика историческая, общественная, философская, эстетическая и пр. не исключает вовсе друг друга, так как они подходят к предмету исследования с разных сторон, они изучают в одном и том же разное. И поэтому весь вопрос не в том, какая из этих школ ближе к истине и должна поэтому безраздельно владеть критикой, а в том, как этим школам размежеваться, отграничить

свои области, в которых – каждая в своей – имеет свое оправдание, свой *raison d'être*⁵»⁶. Л.С.Выготский говорит о многосторонности любого предмета, подвергнутого изучению, и, соответственно, о возможности осуществления множества разнообразных подходов к объекту исследования. Придя через несколько лет в психологию, он не отступил от своей методологической программы - поиск *raison d'être* психологических школ привел его к созданию собственной стройной теории.

В искусствоведческих трудах содержатся важные методологические идеи, которые в дальнейшем были развиты Л.С.Выготским (в большей или меньшей степени) в других работах. В частности сюда стоит отнести исследование эстетической реакции, проведенное в книге «Психология искусства». Здесь Выготский занимается изучением основ эстетического переживания. Он видит свою цель в воссоздании структуры реакции, которую вызывает данное произведение. Словосочетание «эстетическая реакция» можно считать ключевым во всей творческой деятельности Выготского. С одной стороны, это словосочетание включает в себя рефлексологический оттенок – «реакция». Но в то же время, это – реакция эстетическая, т.е. чисто человеческая.

Отметим, что именно здесь намечается переход к психолого-рефлексологической тематике, ставшей основным контекстом работ Выготского в первые годы после его переезда в Москву. В то же время здесь ясно прослеживается попытка выявить специфику эстетической, т.е. собственно человеческой реакции. Эта методологическая линия также была нами выше отмечена как вопрос, поставленный Выготским перед собой и перед психологическим сообществом: в чем заключается специфика рефлекса у человека?

На каждом этапе Л.С.Выготский использует разные понятия, которые являются ключевыми, системообразующими для его теоретического построения. Можно сказать, это – единицы анализа, которыми оперирует Выготский на разных этапах развития своей теории. На первом этапе таким ключевым понятием является «рефлекс», на втором – «инструментальный акт», на третьем – «значение». Каждая из этих единиц обладает своими структурными особенностями. Но главное, что интересует нас – это спецификация принципа развития применительно к каждой из единиц.

Основная задача науки - объяснение, считает Выготский. Причем, объяснять предмет надо не из него самого, как это делал интроспекционизм, а из тех отношений, в которые этот предмет вступает. Это – во-первых. А, во-вторых, изучать предмет –

---

⁵ *Raison d'être* – смысл.

⁶ Л.С.Выготский. Психология искусства. М., 1968, с.341.

значит, узнать законы его развития, а не только сделать «фотографию» предмета. Но как только мы привлекаем в наш анализ принцип развития, тут же утрачивается связь предмета с чувственной реальностью. Ведь наши органы чувств всегда ограничены временем «сейчас». Прошлого и будущего для нашей чувственности не существует. Значит, идя по пути каузально-генетического анализа, мы должны обратиться к прошлому предмета исследования, скрытому от наших органов чувств. Но это – общий методологический подход. На разных же этапах построения Л.С.Выготским его психологической системы идея развития проявляется по-разному.

На первом этапе речь идет о борьбе рефлексов. Здесь Л.С.Выготский использует образ, предложенный И.П.Павловым. В соответствии с этим образом наша рефлекторная система работает как телефонная станция, где телефонистки переключают поступающие сигналы на нужные эффекторные окончания. Выготский, вступая в полемику с Павловым, говорит, что система условных рефлексов – вовсе не телефонная станция, а, скорее штurm центральной нервной системы, который производят разнообразные сигналы, воспринимаемые человеком извне. Эта борьба имеет катастрофический характер. Только небольшая часть сигналов может проникнуть в сужающийся проход: здесь Выготский заимствует у английского физиолога Э.Шеррингтона образ воронки с широким раструбом, но узким проходом: происходит что-то наподобие того, как во время паники люди пытаются прорваться в единственную открытую дверь.

Но дело не только в физической интенсивности тех или иных стимулов. Сила стимула (громкость звука или яркость визуального раздражителя), конечно, играют свою роль, но не выражают специфику взаимодействия человека и мира. Иначе как можно объяснить, что не только стимульно-реактивные связи протекают по закону «воронки», но и от низших форм реакции к высшим ведет как бы суживающееся отверстие. Значит, так же, как «реакция организма... отбирает стимулы», высшие формы «отбирают» низшие. Здесь ясно видна общая диалектическая позиция Выготского, в соответствии с которой низшее должно объясняться через высшее. Здесь уже не просто динамика, но переход к диалектике.

Рефлекс, по Выготскому, безусловно, психологическая реальность, но это – реальность, в которой основной интерес для психолога представляют внутренние механизмы этой реакции – здесь Выготский следует линии рассуждений И.М.Сеченова. Но при этом нельзя сводить поведение человека к тем рефлексам, которыми занимались Сеченов и Павлов. «Рефлексы» человека (и здесь кавычки уже вполне уместны) это – совершенно другое. Но что?

Второй этап с точки зрения идеи развития характерен тем, что Л.С.Выготский выдвигает идею борьбы мотивов. Главное в психике – она есть процесс развития. Поэтому психология должна отыскать ту психологическую единицу, которая позволила бы объяснить механизмы этого развития. Такой единицей является знак, определяющий специфику «рефлекторности» человеческого поведения. Это уже не рефлекс, а инструментальный акт, главная функция его заключается в сигнификации. Это, по Выготскому, - механизм, посредством которого происходит возникновение новых поведенческих паттернов. Именно к этому этапу в качестве иллюстрации относится ситуация Буриданова осла, которую как пример приводит Выготский. Голодный осел, находясь между двумя абсолютно одинаковыми стогами сена, так и умер от голода, не сумев сделать выбор. Он не смог сделать выбор из двух предметов с одинаковыми положительными валентностями, как сказал бы К.Левин. Если у нас имеются две равновеликие возможности, развивает эту мысль Выготский, мы должны ввести дополнительный стимул.

Волевое действие расчленено на два отдельных процесса. Первый состоит в создании особого функционального аппарата. Второй – в работе этого аппарата. Но «раздражители», воздействующие на такой аппарат, не только вызывают его действие, но и позволяют осуществить выбор того аппарата, который в данной сложившейся ситуации будет функционировать. Такие «раздражители» Л.С.Выготский называет мотивами.

Л.С.Выготский называл высшими психическими функциями то, что раньше называли волей. Стремясь дать ответ на финальный вопрос любого психологического исследования – вопрос о существовании свободы – он фактически отвечал отрицательно. Ведь введение нового стимула, необходимого для осуществления осознанного выбора, предполагает ответ на вопрос: как происходит переход к «свободному» решению о необходимости применения самого жребия. Мы помним, что Выготский, привнося в психологию новое понимание естественнонаучности, в то же время, хотел остаться в контексте естествознания. Поэтому для него причинное объяснение свободного выбора (в частности, свободного решения о применении жребия) является необходимым компонентом построения теории. В ситуации «Буриданова осла» необходим еще один мотив, который на этом этапе теорией Выготского не предусмотрен. Подобные размышления привели его к построению теории речевого мышления.

4.2. Теория речевого мышления.

С построения теории речевого мышления начинается диалектическая психология Л.С.Выготского. До сих пор было описание борьбы: рефлексов, мотивов, - но не их диалектика. Эта борьба не раскрывала механизмы возникновения нового качества в процессе саморазвития предмета исследования. Стимул, да и мотив (в том понимании, в каком это понятие присутствовало в теории Выготского) – это элементы внешнего мира, воздействующие на человека извне. Каких-то образований, которые составляли бы содержание внутреннего мира человека, мы здесь не встречаем.

В поисках выхода из этой ситуации Л.С.Выготский переходит к новому теоретическому построению. И здесь, в теории речевого мышления он вплотную подходит к деятельностной концепции.

В истории психологии существует точка зрения, в соответствии с которой в теории Л.С.Выготского нет даже самого понятия «деятельность», а значит, культурно-историческая теория не может рассматриваться как базовое теоретическое построение, на основе которого в дальнейшем А.Н.Леонтьевым была построена психологическая теория деятельности. В своей книге «Деятельный ум» А.А.Леонтьев замечает, что у Выготского понятие «деятельность» используется специфически и не употребляется как предмет исследования. Понятие «деятельность» вообще нечасто встречается в работах Выготского. Но сказать, что это понятие вообще неизвестно Выготскому тоже нельзя. Оно было введено в психологию до Выготского М.Я.Басовым, который и предложил термин «деятельность человека». Именно это понимание деятельности, говорит А.А.Леонтьев, присуще и теории Выготского в отношении деятельности высших психических функций. Когда же он рассуждает о натуральных психических функциях, понятие «деятельность» им не употребляется. Для него деятельность – то, при помощи чего объясняется культурная составляющая жизни человека. Таким образом, понятие «деятельность» появляется у Выготского. Оно, безусловно, не главное, не основное, находится на втором плане по сравнению с такими понятиями как «поведение», «сознание», «психическая функция», но оно есть.

Понятие «деятельность» существует в теории Л.С.Выготского не только терминологически. В теории речевого мышления создан конструкт, предваряющий содержательное наполнение, с которым мы сегодня связываем категорию «деятельность». Единицей речевого мышления Выготский называет значение слова. Но это – не то слово, которое привыкли изучать лингвисты. Слово, которое имеет значение и смысл, взаимодействует с миром, имеет номинативную функцию, на что-то указывает, что-то отображает, что-то даже производит: это слово у Выготского – маленькое отображение, модель деятельности человека. Используя речевое мышление,

он пытается изучить особенности взаимодействия человека с окружающим его миром. В дальнейшем это делает А.Н.Леонтьев, используя понятие «деятельность». В этом – подтверждение того, что теория Выготского как раз и составляет основу, базу, на которой Леонтьев построил свою теорию деятельности.

Для понимания теории речевого мышления Л.С.Выготского, мы должны остановиться на используемом здесь понятии «психологическое поле» - все, что составляет внутренний духовный мир человека. В этом поле функционируют главные его составляющие. Анализируя динамику психологического поля, Выготский вводит гипотезу о двуедином строении значения слова: есть значение-для-себя и значение-для-другого, - две главные составляющие психологического поля. Уточняя эту идею в одной из самых последних своих работ, написанной совместно с Н.В.Самухиным и Г.В.Биренбаум, Выготский вводит новое понятие: «аффективное поле». В аффективном поле человека происходит взаимодействие двух ипостасей значения, для которых предлагаются наименования: «значение» и «смысл». Движение аффективного поля происходит только в том случае, когда имеется несовпадение значения и смысла. Здесь намечается поистине диалектический прорыв. К сожалению, при жизни автора культурно-исторической теории этот прорыв остался скорее в виде тенденции, нежели в качестве теоретического построения. Но представление о несовпадении смысла и значения в дальнейшем было подхвачено А.Н.Леонтьевым, который считал такое несовпадение главным источником саморазвития психологической системы. Заметим, что, в отличие от аффективного поля Выготского, Леонтьев говорит о саморазвитии деятельности человека. Выготский различает значение-для-себя и о значение-для-других, Леонтьев - смысл и значение.

Вводя значение в качестве единицы анализа, Л.С.Выготский проводит следующую мысль. Значение как внутренняя сторона слова имеет две ипостаси. Оно может существовать как значение для меня самого – потом Выготский приписывает этому термину («значение-для-себя») функцию смысла. Но значение может существовать и для того, чтобы передать что-то другому человеку.

Стоит припомнить, что свою теорию речевого мышления Л.С.Выготский создавал в начале 30-х гг. XX века, когда использование понятия «значение» в психологическом контексте было революционной инновацией. Ведь даже несколько лет спустя, работая над своей докторской диссертацией, А.Н.Леонтьев «защищает» употребление понятий «смысл» и «значение» в психологии. До сих пор, говорит он, исследователи понимали под значением вербальное выражение, значение слова. Но, кроме вербальной атрибутивности, значение может иметь психологическую

составляющую. Леонтьев «уговаривает» своих коллег-психологов согласиться с таким употреблением понятия «значение». Более того, уже в 70-е гг. сам Леонтьев сомневался в правомерности этой трактовки значения. Ведь подобное употребление требует признания за значением еще одного свойства – предметности, поскольку значение переносится вовне, становится качеством предметов. Лишь после некоторых колебаний, А.Н.Леонтьев в одной из работ, написанных им совместно с А.А.Леонтьевым, все же признает правомерность такого толкования значения.

Две ипостаси значения: значение как смысл и значение как то, что существует для других людей, то, что я пытаюсь экстерниоризировать и продемонстрировать другим людям. Признав это, еще раз обратимся к рис.1, на котором изображены «островки» сознания. Стрелки между этими «островками» обозначают формально-логическую связь, посредством которой мы передаем вовне наше понимание высказываемого (экстерниоризируемого). Когда мы пытаемся что-то воплотить вовне, мы стараемся сделать это логично. Подчиненность законам логики – функция значения-для-других. Посредством этой функции мы передаем наш смысл другим людям. Но при этом какая-то часть смысла утрачивается, остается невыраженной. Мы не можем полностью объективировать наше внутреннее состояние.

А.В.Брушлинский ввел термин «недизъюнктивность психики». Это означает, что мы не можем континуальное образование, в принципе неразложимое на отдельные части, сделать суммой таких частей. (Вспомним, что в этом же смысле А.Н.Леонтьев говорил о недизъюнктивности деятельности.) Но значение – как раз то, что пытается сделать наш внутренний мир дизъюнктивным, вернее, описать его при помощи дизъюнктивных элементов: слов, формул, знаков, поступков, поведенческих актов. Значение, таким образом – дизъюнктивная составляющая единицы психологического анализа.

В каждое мгновение мы что-то переживаем. Наше переживание всегда имеет для нас какой-то смысл. Такое смысловое переживание не может быть расчленено на отдельные элементы. Смысл как неаддитивная единица нашего внутреннего мира всегда целостен. Вместе с тем наше внутреннее состояние находится в постоянном движении. Иными словами, смысл переходит из одного состояния в другое. Однако, мы не можем провести границы между различными состояниями нашего внутреннего мира. Движение смысла представляет собой континуум, оно недизъюнктивно. Это – существенная характеристика смысла. Когда наш внутренний мир пытается превратиться в значение, он начинает превращаться в нечто, что протекает во времени – тексты или предметы культуры, которые производятся человеком. Таким образом, в

процессе экстерииоризации континуальный, целостный, недизъюнктивный смысл превращается в дискретные, дизъюнктивные, подчиняющиеся законам формальной логики значения. В этом состоят различия смысла и значения, создающие противоречивое единство, позволяющее проявиться механизму саморазвития деятельности.

При чтении текстов Выготского остается впечатление, что автор бьется в сетке категорий и никак не может прийти к такому изложению, которое сегодня для нас представляется очевидным. Он постоянно «через запятую» употребляет термины «значение», «смысл», «внутренняя сторона слова»... Как мы сказали, значение, по Выготскому, обладает двумя сторонами. Во-первых, существует внутренняя сторона значения. Сегодня мы называем этот аспект смыслом, говоря, вслед за Выготским: мысль изреченная – будто слово, подобное капле дождя, исторгнутой тучей – есть ложь. Во-вторых, существует значение-для-других – это то же самое значение, но рассматриваемое под другим углом зрения, «другая сторона медали». Это – та сторона значения, которую я выношу вовне при помощи всевозможных поведенческих актов. В итоге наши смыслы, которые в этой функции превращаются в значения, выносятся вовне и передаются другим людям при помощи текстов, мимики, пантомимики и т.п. Плотник или столяр передает свои смыслы при помощи изготовленных им вещей. Композитор может написать симфонию, скульптор – создать скульптуру, архитектор – спроектировать дом. Любой из нас может сделать какую-нибудь вещь, продемонстрировав, таким образом, часть своей смысловой сферы, в предметном оформлении. Значение – попытка сделать смысл всеобщим. Примером такого самого общего смысла можно считать статью в энциклопедии, где дается какое-либо определение, представляющее собой попытку передать тому или иному понятию всеобщее значение.

Провести вполне определенное разведение смысла и значения невозможно. Ведь смысл, который существует для меня – одновременно, и только одновременно – является значением для других людей, воспринимающих сделанный мной предмет. Любой человек, создавая ту или иную вещь, выносит вовне то или иное свое состояние. Но мы смотрим на вещь с разных сторон: то, что является смыслом для производителя вещи, для нас раскрывается как ее значение. Но когда мы принимаем это значение, интериоризируем его, оно становится смыслом, т.е. некоторым образом изменяет наше состояние. Наша психологическая система, наш внутренний мир в той или иной степени (может быть, самой незначительной) меняется, придавая, таким образом,

смысл данной вещи. При этом мы не говорим о том, лучше или хуже становится наш внутренний мир. Мы говорим только о его изменении.

Наша деятельность представляет собой бесконечное, постоянное, континуумообразное изменение состояний. Каждое из этих состояний можно рассматривать как смысловой организм, соответствующий срезу на нашем рисунке 2. Если представить мозаику этих состояний во временной развертке мгновений, то мы получим рисунок, на котором будет отражен смысловой узор нашей психологической системы, или, если это проинтерпретировать в терминах А.Н.Леонтьева, смысловой узор деятельности.

Важнейшее свойство смысла – его уникальность. Мы все – обладатели уникальной истории. До появления на свет и до настоящего момента каждое событие, все, что с нами происходит, так или иначе, изменяет нашу психологическую систему, нашу деятельность, придавая нам тем самым индивидуальные особенности. Если рассматривать нашу жизнь только с этой – «средовой» – точки зрения, можно было бы сказать, что мы все рождаемся одинаковыми, а в процессе социализации становимся уникальными личностями. Но информационная база, которой обладает каждый человек, не единственная составляющая его уникальности. Ведь генетическая составляющая, присущая каждому из нас, содержит информацию о сотнях предшествующих поколений. Это – архетипический пласт по К.Юнгу. Мы обладаем набором информации, возраст которой выходит далеко за пределы нашего биологического возраста. Вот что такое уникальность узора деятельности, изображающего состояние нашего внутреннего мира.

Конечно, все наши рассуждения о соотношении смысла и значения в теории Выготского это не столько рассуждения самого Выготского, сколько наши выводы, создающие мостик между культурно-исторической теорией Л.С.Выготского и психологической теорией деятельности А.Н.Леонтьева. В соответствии с культурно-исторической теорией мы окружены не только вещами, предметами как элементами культуры, но и людьми, которые представляют собой не биологические существа, а элементы культуры, социума. Поэтому и сам человек - в каком-то смысле вещь, предмет. Мы переносим наш внутренний мир в окружающие нас предметы и в людей. Мы создаем друг друга. Поэтому мы не можем существовать друг без друга. В этом заключена одна из трагических особенностей человеческого существования: с одной стороны, мы не нужны друг другу, поскольку представляем собой отдельные, уникальные, саморазвивающиеся организмы. Но, с другой стороны, человек проявляет свою социальную основу только в контексте своего социального окружения.

Итак, мы определили основные черты культурно-исторической парадигмы, главный вектор развития которой в современном мире представляет изучение смысловых образований деятельности и исходит из культурно-исторической теории Л.С.Выготского. Именно поэтому мы говорим не просто о психологической теории деятельности А.Н.Леонтьева, а об ее истории и, главное, о перспективах ее развития.

4.3. Выготский и Харьковская психологическая школа.

Л.С.Выготский представил на суд коллег новый предмет психологического исследования: психологическое поле, в центре которого – значение. В современной Выготскому науке значение в основном рассматривалось как атрибут слова. Но неожиданно автор теории речевого мышления придал этому понятию психологическое содержание. Тем самым психологическая система у Выготского вышла за пределы познавательной сферы.

Л.С.Выготский задается вопросом: а что стоит «за» значением? И сам отвечает на этот вопрос: за значением стоит эмоция. Таким образом осуществляется переход от психологического к аффективному полю. Сначала Выготский предпочитает говорить о психологическом поле, т.е. о системе, наполненной когнитивными составляющими, высшими психическими функциями. Аффективное поле – более широкое понятие. Наш внутренний мир не сводится к психологическому полю, состоящему из познавательных структур. Это поле – аффективное, эмоциональное, поле наших переживаний. «Кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, - пишет Выготский, - тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления, потому что детерминистический анализ мышления необходимо предполагает вскрытие движущих мотивов мысли, потребностей и интересов, побуждений и тенденций, которые направляют движение мысли в ту или иную сторону. Так же точно, кто оторвал мышление от аффекта, тот наперед сделал невозможным изучение обратного влияния мышления на аффективную, волевою сторону психической жизни, ибо детерминистическое рассмотрение психической жизни исключает как приписывание мышлению магической силы определить поведение человека одной своей собственной системой, так и превращение мысли в ненужный придаток поведения, в его бессильную и бесполезную тень»⁷.

Значит, рассуждая вместе с Л.С.Выготским, мы должны перейти к изучению эмоций. Но надо ли их понимать как отдельную психологическую функцию? Нет,

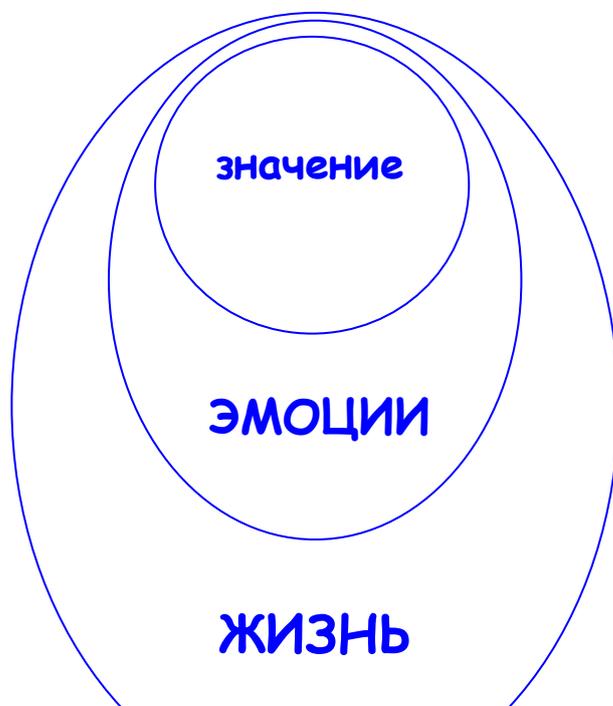
---

⁷ Л.С.Выготский. Психология развития человека. М, 2003, с.678-679.

эмоция в теории Выготского не функция, а состояние нашего внутреннего мира. Для такого понимания аффективно-эмоциональной сферы лучше подходит термин «переживание». И Выготский начинает использовать это понятие: переживание является единицей психологического анализа. Выготский объясняет нам: я не говорю о значении слова, я говорю о значении как единице нашего внутреннего мира, а наш внутренний мир – это мир переживаний. Это - мир аффектов, эмоций, сигнализирующих и обозначающих наши переживания. Мы все время переживаем с большей или меньшей степенью интенсивности. Переживания сопровождают нашу жизнь и составляют неразрывное единство с познавательной сферой.

Но мир переживаний тоже не последняя инстанция нашего бытия. Испытывая состояния переживаний, мы соприкасаемся с жизнью. Поэтому Л.С.Выготский говорит: «за» психологической системой нашего внутреннего мира стоит жизнь. Мы, таким образом, можем нарисовать три концентрические окружности (рис. 5), где центральное положение занимает единица психологического анализа, представляющая собой единство смысла и значения.

Впрочем, в начале 30-х годов прошлого столетия эта модель, которую сегодня мы вполне достоверно можем себе представить, еще не приобрела в теории Л.С.Выготского отчетливые очертания. В результате возник спор, который инициировали А.Н.Леонтьев и его единомышленники, в 1933 году уехавшие в Харьков. Правда, в дальнейшем Леонтьев признал, что противостояния, собственно, не было и не могло быть, но это признание состоялось через несколько лет, а пока группа московских психологов создала так называемую Харьковскую психологическую школу.

Рис. 5.

В конце 1930-го года министерство здравоохранения Украины для организации психологической работы в этой республике приглашает в город Харьков группу психологов из Москвы. Среди приглашенных были Л.С.Выготский, А.Н.Леонтьев, А.Р.Лурия, А.В.Запорожец, Л.И.Божович.

Л.С.Выготский, как вспоминал А.Н.Леонтьев, не стал активно работать в этой группе, предпочитая приезжать в Харьков несколько раз в год, чтобы обсудить результаты исследований своих коллег, а, кроме того - чтобы сдать очередную сессию в Харьковском медицинском институте, куда он поступил в 1930 г. Для меня, пишет Леонтьев, мотивы Выготского непонятны. Можно было бы предположить, что Выготского не устраивали материальные условия переезда. Но Леонтьев отрицает и такую версию. Устранился от активной работы и А.Р.Лурия: ему не захотелось постоянно пребывать в Харькове. В итоге А.Н.Леонтьев становится руководителем группы психологов, к которой примкнули местные, украинские специалисты. Среди них сегодня наиболее известны П.И.Зинченко, П.Я.Гальперин, рано умерший В.И.Аснин, в экспериментах которого был получен так называемый феномен «горькой конфеты» (этот феномен часто упоминается в работах А.Н.Леонтьева).

Сегодня Харьковская школа вызывает большой интерес у историков психологии. Условия, в которых работала эта группа, осложнялись фактором, сочетавшим мотивы личные и научные. Некоторые исследователи творчества Л.С.Выготского утверждают, что в это время испортились личные отношения между Л.С.Выготским, с одной стороны, и А.Н.Леонтьевым и А.Р.Лурией, с другой. Однако, опубликованные фрагменты их личной переписки показывают, что между ними остались хорошие, близкие отношения, насколько можно говорить о близких отношениях между людьми, живущими и работающими в разных городах. В Харькове работал Леонтьев во главе группы теперь уже классиков нашей отечественной науки. В Москве большую часть времени проводил Выготский, часто бывавший в Харькове и Ленинграде. Он работает в этих городах, учится в Харькове, консультирует своих

харьковских коллег. Но при этом коллеги переписывались, обсуждали научные проблемы, желали друг другу удачи. Никакого личного конфликта, а тем более, скандала между Выготским и Леонтьевым конечно не было. Хотя противоречия во взглядах на дальнейшее развитие культурно-исторической психологии, безусловно, появились. Выготский остро переживал возникновение теоретического разрыва - а в существовании такого разрыва сомнений нет – между его теоретическими взглядами и теми идеями, которые развивались Харьковской школой.

Мы помним, что за значением, как говорил Л.С.Выготский, за той единицей, которая является самым главным системообразующим центром, в котором заключены основные свойства предмета исследования, стоит эмоция. А «за» эмоцией, или лучше сказать: «за» переживанием, - поскольку Выготский вкладывал именно такой смысл в понятие аффективного поля, - за всей этой системой стоит жизнь человека. Так следует понимать «аффективность», «эмоциональность» человека. И само значение как единица психологического анализа утрачивает свою исключительную когнитивность, становится категорией, которая обозначает все психологическое поле, включая и его аффективную составляющую.

Таким образом, Л.С.Выготский существенно изменил содержание термина «значение». Ведь и сегодня мы не всегда отделяем значение от его лингвистического понимания, от значения слова. Конечно, сегодня меньше, чем несколько десятилетий назад, но до сих пор мы придаем понятию «значение» когнитивный оттенок, когнитивное звучание. У Выготского значение – намного шире. Это – не только вербальное значение. Это – значение, в котором сконцентрированы все возможные проявления жизнедеятельности человека.

Речь, речевое мышление для Л.С.Выготского – только модель, при помощи которой он хочет исследовать психологическую систему. Но что собой представляет значение в таком его толковании: система, в которой за значением стоит эмоция, за которой, в свою очередь, стоит жизнь? Ведь жизнь человека есть взаимодействие с окружающим его миром. Следовательно, значение должно каким-то образом включать в себя характеристики того процесса, который позже в теории А.Н.Леонтьева был назван деятельностью. Вместе с тем, эмоциональная составляющая также должна входить в содержание значения – ведь за значением стоит эмоция. И вообще, высшие психические функции это то, что раньше называли волей, говорит Выготский. Следовательно, в значение входят и волевые компоненты. То есть значение – это концентрат той психологической жизни, которая есть у человека. Это – абсолютно не значение слова в лингвистическом его понимании.

Тут и начинаются разногласия, которые самим же А.Н.Леонтьевым позже были признаны несущественными. Теорию Л.С.Выготского представители Харьковской психологической школы сочли идеализмом. Он пытался найти, подтвердить и доказать связь – а этой связи не может быть – между разными формами сознания. Ведь значение относится к сфере сознания, говорили представители Харьковской психологической школы. По их мнению, Выготский при помощи теории интериоризации пытался доказать существование прямого воздействия общественного сознания на сознание человека, а это – идеализм, источник которого – в теории французской социологической школы.

Надо сказать, что критика учителя со стороны учеников носила вполне корректный, научный характер. Здесь не было того критиканства, которое бурно произошло в отечественной науке через несколько лет, когда статьи и книги некоторых представителей науки стали напоминать политические доносы. В качестве примера корректной критики можно назвать статью А.Н.Леонтьева «Учение о среде в педологических работах Л.С.Выготского». Впрочем, даже этой статьи Леонтьев стыдился всю свою жизнь. А.А.Леонтьев, записывавший воспоминания своего отца, рассказывал, что ни разу, нигде Алексей Николаевич эту свою работу не упоминал – даже в разговорах с самыми близкими людьми. Только после смерти А.Н.Леонтьева И.В.Равич-Щербо обнаружила эту статью в архиве ПИ РАО. Прочитав этот текст, можно только удивляться научной честности, с которой Леонтьев относился к своей профессии.

Итак, представители Харьковской школы критиковали Выготского за то, что, по их мнению, Лев Семенович пришел к идеалистическому выводу о непосредственном взаимодействии сознаний. За значением, говорят они, стоит не эмоция, а деятельность. Не будем забывать, что все это происходило в 30-е годы XX столетия. Это потом А.Н.Леонтьев скажет: альтернативы не было – не или эмоция, или деятельность, а и эмоции, и деятельность. Деятельность, говорит Леонтьев, стоит за значением, но, как и у Л.С.Выготского, за деятельностью, по Леонтьеву, стоит жизнь. В итоге мы получаем картину, объединяющую культурно-психологическую теорию с теорией, разрабатывавшейся А.Н.Леонтьевым и его сторонниками: есть значение, за которым, стоит эмоция, за которой стоит деятельность, за которой стоит жизнь человека.

Можно согласиться с тем, что деятельность как предмет исследования отсутствует в теории Выготского. Но именно развитие этой теории привело Леонтьева к созданию психологической теории деятельности. Это – ответ тем, кто считает, будто культурно-историческая психология Л.С.Выготского и психологическая теория

деятельности А.Н.Леонтьева – две разные школы, созданные психологами, одно время работавшими вместе, но потом продолжившими работу независимо друг от друга. А значит, и теория Леонтьева не только не продолжение культурно-исторической психологии Выготского, но, скорее, ее антагонист. Мы видим, что в теории Выготского зарождается, в ней формируется и из нее совершенно естественно проистекает теория деятельности Леонтьева. Давайте посмотрим, сказал Леонтьев (и, наверное, Выготский с ним согласился бы, поскольку именно в этом направлении и развивалась его мысль), что же такое деятельность, в форме которой существует и живет этот психологический поток переживаний.

5. Категория «деятельность» в теории А.Н.Леонтьева.

5.1. Марксизм и экзистенциализм.

Наш анализ посвящен истории и перспективам психологической теории деятельности, сложившейся в контексте культурно-исторической парадигмы. И если выше мы рассматривали методологические принципы, которые легли в основу деятельностной теории А.Н.Леонтьева, то теперь мы переходим к исследованию перспектив, открывающихся перед этой психологической теорией. Переходя к рассмотрению вектора развития психологической теории деятельности, вспомним еще раз, что в недавнем прошлом психология, в основании которой лежала марксистская философия, считалась единственно верной, и любые попытки обратить внимание на иные психологические построения должны были иметь своей целью ассимиляцию «чужеродных тел». Не удивительно, что советские исследователи казались своим зарубежным коллегам носителями агрессивной идеологии. Естественным итогом такой политики стала изолированность отечественной науки, что обычно приводит к застою явлениям в подобных закрытых образованиях.

Сегодня мало кто из отечественных исследователей сомневается в необходимости освоения потенциал, который несут в себе разработки наших зарубежных коллег. Вместе с тем, абсурдно было бы отказываться от достижений, которые получены в ходе развития отечественной психологии, в частности – культурно-исторической теории. Единственно верный путь – поиск точек, объединяющих отечественную психологию с ее диалектико-материалистическими корнями и зарубежные теоретические построения, среди которых одной из наиболее перспективных нам представляется психология, в своем основании имеющая философию экзистенциализма.

Две названные идеи (материалистическая диалектика и экзистенциализм), развивались в различных условиях – и территориально, и политически, и идеологически, но они обладают множеством сходных концептов. Поэтому возникает задача выявить источники и причины сходства, которое не может оказаться случайным.

Одним из аргументов в пользу близости диамата и экзистенциализма служит тот факт, что они возникли из одного идейного источника – из критики Шеллингом гегелевского рационализма. Только в первой половине XIX столетия как реакция на построение Гегелем своей философской системы, некоторые мыслители стали изучать глубинные основы психики. Философской школой, которая обратила внимание на скрытые от рационализма составляющие психики, стал экзистенциализм.

В 1834 году Кьеркегор и Маркс в числе прочих слушали лекции Шеллинга, посвященные критике философии Гегеля. Отсюда методолог экзистенциальной психологии Р.Мэй ведет начало и экзистенциализма, и марксизма. Ф.Ницше, С.Кьеркегор, Ф.Энгельс, К.Маркс одновременно начали с критики Гегеля, но в дальнейшем занялись разработкой различных ее аспектов. Марксизм обратился к экономической составляющей деятельности. Экзистенциализм – к ее интимно-личностным, иррациональным составляющим. Кьеркегор и Маркс пошли разными дорогами к одной цели – к свободе человека. Кьеркегор, а за ним и Ницше говорят про психологические, экзистенциальные свойства человека: про тревогу, ненависть, горе. Маркс хочет освободить человека от экономической привязанности к труду и капиталу.

Экзистенциализм родился в Европе. Казалось бы, такие категории как «экзистенция», «бытие», «самость» являются предельными абстракциями, совершенно далекими от современных эмпирических тенденций в психологии. Тем не менее, из Европы экзистенциализм довольно скоро проник в американскую психологию, пропитанную духом позитивизма и прагматизма. У экзистенциализма нашлись авторитетные защитники, вроде А.Маслоу и К.Роджерса, заявившего, что из принципов экзистенциализма можно сделать «проверяемые выводы».

Если уж американцы заговорили о необходимости философии, то россиянам тем более стоит вспомнить о мощном экзистенциальном течении в отечественной философии и литературе. Известно, как высоко ценят экзистенциалисты творчество Ф.М.Достоевского. А разве идеология Л.Н.Толстого не содержит концептов, близких экзистенциализму? По-видимому, эти имена, а также фигуры Н.Бердяева, Л.Шестова, М.Бахтина, П.Флоренского служат убедительным аргументом в пользу адекватного решения вопроса о вкладе той или иной национальной школы в развитие экзистенциальной идеи. Более того, эти имена свидетельствуют: экзистенциализм не

занесен к нам извне, не импортирован. Экзистенциализм в полной мере может получить обозначение «Сделано в России». Это – продолжение философии русского космизма, который мало известен на Западе, но от этого не становится менее серьезной идеей.

Пожалуй, ни одна крупная (мы бы сказали, парадигмальная) идея не может быть представлена «набором» авторов, похожих друг на друга. В любом случае представители научного течения в чем-то (иногда во многом) отличаются своими воззрениями, в то же время оставаясь представителями данной научной школы. Это относится и к таким крупным философским течениям как экзистенциализм и диалогизм. Мы должны говорить не о единой философской школе, а о философии (философиях), представителей которой объединяет более или менее широкое толкование предмета, исследуемого данным философским направлением. Экзистенциальная идея находит сторонников в самых разных психологических и философских течениях: от коммуниста Ж.-П.Сартра до теолога П.Тиллиха. То же самое можно сказать о марксистской методологии: от ортодоксов до представителей «андеграунда диалогизма» (термин А.В.Брушлинского), каковыми принято считать Э.В.Ильенкова, М.К.Мамардашвили и многих других.

В ряду замечательных советских психологов Л.С.Выготский занимает одно из первых мест. Мысль автора культурно-исторической психологии на десятилетия опередила теоретические разработки его современников. Тем самым он невольно давал определенный повод критически относиться к некоторым его идеям. Например, к его утверждению: «смысловое поле подчиняет себе все реальные вещи и реальные действия». В первой половине XX века (да и сейчас тоже) такие термины как «понятие», «аффект», «смысл», «значение» интерпретировались как обозначение чего-то идеального, а значит, вторичного с позиций официальной советской философии. Поэтому точка зрения, в соответствии с которой смысл подчиняет себе реальность (мысль вполне понятная в контексте экзистенциалистских размышлений), воспринималась с недоумением. Тем более, что подобные идеи не были развернуты в трудах Выготского, а сохранились в виде отдельных устных высказываний и конспективных записей в архивах А.Н.Леонтьева, Д.Б.Эльконина, других его коллег, а в текстах самого Выготского звучали как не совсем понятные обертоны. Однако, сегодня, когда эта идея отработана, продумана теорией деятельности, она воспринимается совсем не так, как в первой половине прошлого века.

Один из наиболее существенных шагов, сближающих культурно-историческую парадигму с экзистенциализмом, сделал А.Н.Леонтьев, которого, как вспоминает

ученик Алексея Николаевича В.Ф.Петренко, кто-то «обвинил» в экзистенциализме во время обсуждения книги «Деятельность. Сознание. Личность» в Психологическом институте. Тогда это действительно было обвинением, поскольку в СССР экзистенциализм считался идеалистической теорией.

Аргументы, подтверждающие близость психологии деятельности и экзистенциализма приводят в своей книге А.А.Леонтьев, Д.А.Леонтьев и Е.Е.Соколова. По мнению авторов, теория личности А.Н.Леонтьева выражает экзистенциалистскую позицию по вопросу о соотношении личности и факторов или предпосылок ее развития. Действительно, в последние годы ряд учеников А.Н.Леонтьева отмечали близость его подхода экзистенциалистским воззрениям в психологии. Е.В.Субботский прямо называет его «экзистенциалистом в советской психологии». Ф.Е.Василюк констатирует, что через принцип предметности А.Н.Леонтьева потенциально вводилась в отечественную психологию феноменологическая категория «жизненного мира». А.Г.Асмолов считает деятельностный подход «психологией существования».

Чем больше мы вчитываемся в тексты А.Н.Леонтьева, тем больше проникаемся чувством единства этой психологической теории с теоретическими построениями экзистенциализма. В основе этого сходства лежит понятие «смысл», которое не столь заметно в теории самого А.Н.Леонтьева, но играет очень важную роль в работах его учеников и последователей. Впрочем, в своих дневниковых записях сам Леонтьев пишет: «Строение смысла кристаллизует в себе строение деятельности... Раскрытие строения смысла и раскрытие строения деятельности есть одна и та же единая задача». И чуть далее чрезвычайно важное заявление: «Проблема смысла и есть проблема сознания. Она относится не к области «арифметики» психологии, но к области «высшей математики» ее. Это последнее аналитическое понятие, венчающее общее учение о психике так же, как понятие личности венчает всю систему психологии... Мы называем деятельность, действие осмысленным. Нельзя, действительно, понять до конца деятельность, прежде, чем не будет понято, что такое смысл».

5.2. Механизмы саморазвития деятельности в теории Леонтьева.

Главная категория, которая находится в центре внимания А.Н.Леонтьева – деятельность. Алексей Николаевич пытается понять, как человек посредством деятельности взаимодействует с миром. Главным для него является опосредованность деятельностью, благодаря которой человек получает возможность существовать. В этом – принципиальное отличие теории деятельности от интроспекционистской точки

зрения, в соответствии с которой сознание человека непосредственно взаимодействует с миром: восприятие человека непосредственно принимает поток информации, поступающий извне. Леонтьев считает, что это происходит не непосредственно, а опосредствованно – через деятельность.

Функция деятельности – взаимодействие с миром. Но чтобы понять саму деятельность, нужно понять, как она развивается. Ведь А.Н.Леонтьев – так же, как и Л.С.Выготский – гегельянец-марксист. Поэтому принцип саморазвития для них един. Как же происходит саморазвитие деятельности человека?

Когда начался разгром психологии, многие психологи спасались, уходя в смежные научные пространства. Например, А.Р.Лурия занялся изучением мозга человека, Б.В.Зейгарник – медицинскими проблемами, многие психологи «эмигрировали» в педагогику. Не стал исключением и А.Н.Леонтьев. Он занялся вопросами эволюционной биологии, но как и многие его коллеги не оставил главный предмет своих исследований. Чтобы понять развитие деятельности, Леонтьев занялся проблемой филогенеза. В отличие от Л.С.Выготского, который изучал развитие высших психических функций у детей, Леонтьев хотел понять, как появилась деятельность у животных? Чтобы объяснить ее происхождение, он вводит известный критерий психического – чувствительность, т.е. реагирование на биологически нейтральные раздражители. Когда появляется чувствительность, можно говорить о том, что это существо обладает психической деятельностью.

По мнению А.Н.Леонтьева, уже на уровне элементарной сенсорной психики отличительной чертой деятельности является выделение системного образования, состоящего из биотических и абиотических признаков предмета, за счет которого удовлетворяется потребность. В этой связи можно вспомнить опыт А.В.Запорожца и И.Г.Диманштейн с американскими сомиками. Сомик, которому необходимо попасть к приманке, начинает совершать хаотические движения возле сетки, преграждающей дорогу, пока случайно не находит проход. Если потом убрать преграду, сомик продолжает двигаться по обходному пути, будто сетка осталась на месте. Анализируя этот опыт, Леонтьев указывает на существующее противоречие: надо плыть к еде, а рыбка плывет по дуге. Сомик реагирует не просто на кусочек мяса, а на всю ситуацию, которая запечатлелась где-то в психологической системе живого существа, в его деятельности. Эта ситуация представляет собой нечто единое, системное, целостное, контекстуальное, что и руководит жизнедеятельностью этого существа. Возникло противоречие между восприятием предмета и его восприятием в качестве элемента

целостной ситуации: надо бы стремиться к еде напрямую, о чем говорит потребность. Но возник контекст, и путь к еде усложнился.

Известный зоопсихолог Рене Шовен собрал рачков на разных побережьях Адриатического моря. Эти рачки обладали следующим свойством: если их извлекали из воды и клали на песок, они сразу же бежали к воде. Шовен задался вопросом: что будет, если рачков, живущих на противоположных берегах моря собрать в одном месте? Куда они побегут? Оказалось, что рачки, привезенные из разных мест, побежали в разных направлениях: если они жили на западном побережье Адриатики, то бежали на восток, и наоборот. Иными словами, если рачка с восточного побережья переместить на западное, то он погибнет, поскольку побежит в противоположную от воды сторону. Мы, таким образом, сталкиваемся с очевидным противоречием между предметом потребности и той психологической системой, в контекст которой этот предмет входит. Это противоречие, по мнению А.Н.Леонтьева, и есть то основное, что является двигателем развития деятельности.

Еще один пример. В вышедшем несколько лет назад сборнике, посвященном теории деятельности, опубликована статья, рассказывающая об экспериментах с орангутангом, который должен был обойти преграду, чтобы взять апельсин. Он быстро научился это делать. Тогда преграду убрали. К удивлению экспериментатора, орангутанг продолжал совершать обходные движения, словно копируя поведение сомика в рассмотренном выше эксперименте. Когда экспериментатор утомился, так и не дождавшись от обезьяны демонстрации интеллекта, он решил закончить опыт и стал уходить. Положив последний апельсин, экспериментатор отвернулся от орангутанга и направился к выходу. В этот момент орангутанг, бросив взгляд на экспериментатора, напрямую подскочил к апельсину, схватил и съел его. Он ходил по кругу для исследователя, считая, что такое движение входит в задание, и именно за это он получает награду – апельсин. Как только исследователь отвернулся, экспериментальная ситуация оказалась нарушенной, и апельсин можно было взять так, как это было проще для орангутанга. В этом случае мы снова видим образование некоей контекстной ситуации, в которую экспериментатор и лакомство входят в качестве ее элементов. Здесь не экспериментатор руководит поведением животного, а именно данный контекст.

Что же такое контекстуальность на уровне человека? Для того, чтобы понять ответ, который дает теория деятельности, мы должны обратиться к проблеме соотношения биологического и социального. В психологии эта дихотомия приобретает форму вопроса: человек – существо биологическое или социальное?

Отвечая на этот вопрос, часто исходили из противостояния человека и общества. Вульгарный марксизм утверждал: деятельность человека определяется обществом. Получалось, что общество как стимул воздействует на человека, который вследствие этого производит социальные реакции. Примитивно понимаемая теория интериоризации вполне вписывалась в эту схему: человек производит совместную деятельность, которая постепенно становится деятельностью внутренней. Однако, по мнению Л.С.Выготского, важно не воздействие общества на человека, а взаимодействие человека с обществом. Благодаря такому взаимодействию, интериоризация не просто, не столько и не только формирует какие-то механизмы в человеке. Благодаря такому взаимодействию, формируются социальные структуры, присущие самому человеку. Человек социален не потому, что он живет в обществе. Человек социален потому, что в процессе саморазвития его деятельности, как сказал бы позже А.Н.Леонтьев, закладываются и развиваются социальные структуры. И других структур быть не может. Ведь мы можем существовать, оставаясь людьми, только в обществе, только рядом с такими же, как мы людьми. Человек по определению – существо социальное, т.е. подчиняющееся законам социума.

В одной из своих статей Л.С.Выготский сравнивает человека с автомобилем. Машина подчиняется физическим законам. Но те ли это законы, благодаря которым автомобиль существует для нас именно как автомобиль? Нет, машина существует как машина благодаря тому, что она является сложным механизмом, позволяющим человеку удовлетворять потребность в быстром перемещении в пространстве, а вовсе не благодаря законам физики, которым подчиняются и бензин, и коробка передач, и колеса. То же можно сказать и о человеке. Мы тоже подчиняемся физическим законам, состоим из атомов, электронов, протонов, элементарных частиц. Мы состоим из молекул. Но разве мы от этого становимся «физическими» или «химическими» существами? Мы едим, размножаемся, удовлетворяем все физиологические потребности. Но разве поэтому мы должны считаться биологическими существами? Нет, мы подчиняемся социальным законам. Человеку, как говорил И.Кант, изначально присущ моральный закон. Все «нечеловеческие» проявления – отступление от этого закона, которому подчинен нормальный человек.

У А.Н.Леонтьева контекстом, определяющим жизнедеятельность человека, выступает социальность, не просто окружающая, но являющаяся внутренне необходимым содержанием. В свою очередь, такая жизнедеятельность это – жизнедеятельность социального существа, которое называется «человек». Человек – не просто двуногое существо без перьев, как определял человека Аристотель. Социальный

контекст и есть контекст человека. Если для сомика контекст – аквариум, для рачков контекст – природная среда, определяющая его движение к воде, то для человека таким контекстом является социальное окружение.

5.3. Единицы анализа в теории Леонтьева.

Создавая свою теорию деятельности, А.Н.Леонтьев, будучи учеником и последователем Л.С.Выготского, должен был определить единицу своего анализа. И он, действительно, это сделал. Однако читатель текстов Леонтьева сталкивается с затруднениями. В этих текстах имеется большое количество терминов, которые автором определяются как единицы. Во-первых, это хорошо известные действия и операции: деятельность состоит из действий, действия – из операций. Однако в другом месте Леонтьев говорит, что единицами психики являются смысл и значение. А еще – что основные единицы сознания – чувственная ткань, смысл и значение. Причем, где-то термин «единица» Леонтьев берет в кавычки, а где-то употребляет без кавычек. Но ведь если следовать Выготскому, мы должны понять, где же здесь «главная» единица, та единица, которая выражает авторское понимание предмета исследования. Но для того, чтобы такую единицу выявить, мы должны разобраться с тем, что собой представляют в теории Леонтьева, во-первых, «единицы» в кавычках и, во-вторых, единицы психики (или сознания).

Самые известные единицы, о которых говорит в своих работах А.Н.Леонтьев – это так называемая «трехчленка Леонтьева». Если мы разделим деятельность на отдельные элементы, мы получим действие. Это и есть «единица» деятельности. Но «единица» в кавычках. Точно так же, если мы действие разделим на операции, то получим «единицы» действия в кавычках. Кажется все понятно. Все кроме кавычек.

Деятельность, по Леонтьеву есть молярная неаддитивная единица жизнедеятельности, функцией которой является пристрастное взаимодействие человека с миром. Сравнивая это классическое определение с вышеприведенной классификацией единиц, мы сталкиваемся с противоречием: деятельность неделима, но, в то же время делится на действия и операции. Мы говорим: деятельность состоит из действий. Но что это означает в реальной жизни? Когда я что-то делаю – это деятельность или действие? А может быть, операция? Например, лектор рассказывает студентам о тех или иных проблемах теории деятельности, потом он начинает пояснять свои слова рисунком на доске и т.п. Это – действия, осуществляемые преподавателем в

процессе педагогической деятельности. Но именно педагогическую деятельность и осуществляет преподаватель, рисуя на доске и рассказывая что-то студентам. Иными словами деятельность, действие и операция сливаются в каждом моменте времени. Я не могу «выйти» из деятельности, чтобы «попасть» в действие или операцию. Только в абстракции, как это сделал А.Н.Леонтьев, объясняя нам, что такое деятельность, мы можем выделить более мелкие «единицы». В таких единицах утрачивается основное качество деятельности – ее мотивационная направленность, вместе с которой «испаряется» и столь важные признаки деятельности, как ее предметность и осмысленность. Действие и операция выделяются только в структуре деятельности, на ее структурном срезе. Соответственно – это структурные единицы, а значит назвать их действительными единицами психологического анализа нельзя. Это - «единицы» в кавычках. В нашей непосредственной жизнедеятельности деятельность, действие и операция нерасчленимы. Таким образом, говоря о действиях и операциях, мы создаем структурное построение, при помощи которого пытаемся объяснить, что такое деятельность.

Значение и смысл мы также не можем назвать единицами деятельности. Действительно, они характеризуют психику человека, но именно психику, а не реальный предмет психологической науки. Поскольку психика в теории А.Н.Леонтьева является аспектом деятельности, постольку она с необходимостью выражает существенные признаки последней и постольку значение и смысл могут быть названы единицами. Однако смысл и значение не являются реальными единицами психологического анализа, поскольку являются отражением этой функции, а не самого предмета психологической науки.

Реальной единицей психологического анализа может выступать лишь деятельность человека как конкретное отображение предмета психологии. Как и Л.С.Выготский, требование «возвращения к конкретности» А.Н.Леонтьев считал одной из форм преодоления недостатков старой психологии. Для того чтобы раскрыть необходимость возникновения психики, ее дальнейшего развития и изменения, следует исходить из анализа того процесса, который связывает между собой субъекта и действительность, - утверждает А.Н.Леонтьев, - а этот процесс и есть не что иное, как процесс жизни. Но процессом жизни на уровне человека как раз и является деятельность.

Таким образом, в теории А.Н.Леонтьева одним термином «деятельность» обозначаются два разных понятия. В одном случае деятельностью называется целостный, реально протекающий процесс взаимодействия человека с окружающей его

действительностью. Тогда деятельность является единицей «реального человеческого бытия». В этом своем значении «деятельность» представляет собой родовое понятие по отношению к отдельным (особым), конкретным видам деятельности. Деятельность как конкретный процесс не может не быть особой. Другими словами, отдельная деятельность всегда направляется особым предметом (мотивом).

Иным содержанием понятие «деятельность» наполняется в том случае, когда с его помощью обозначается не реальная деятельность человека, а логический конструкт, отражающий структуру отношений деятельности как предмета исследования. Построение такого конструкта (и его постоянное «добраивание») – цель науки. В теории А.Н.Леонтьева такой конструкт также обозначается понятием «деятельность». Это сложный логический конструкт, «безразличный» к специфике данного конкретного мотива. Здесь важно не то, что собой представляет данный мотив, а что такое мотив вообще.

Если деятельность в первом из этих значений выступает как реальный процесс взаимодействия человека с окружающей действительностью, то деятельностью-единицей мы называем модель деятельностного процесса. Важно подчеркнуть, что это – модель не психики, не сознания, а именно деятельности как предмета психологической науки. Деятельность-единица – модель деятельности порождения психики, сознания, поэтому включает в себя не только структурный и актуально-процессуальный аспекты, но и аспект генетический (исторический), объясняющий не только происхождение, но и актуальное протекание данного процесса.

По-видимому, этим и можно определить очевидную терминологическую неустойчивость, которая заметна в употреблении самим Леонтьевым термина «деятельность». Деятельность автором теории то сводится к предметной деятельности, то определяется как форма существования таких идеальных субстанций как смысл и значение. Впрочем, подобное употребление терминов – отличительная черта новых теорий. Вспомним, хотя бы, «рефлексологическую» терминологию Л.С.Выготского. Поэтому такая особенность текстов А.Н.Леонтьева никак не может умалить значение, которое они имеют для развития психологической теории.

6. Чувственная ткань как «единица» сознания.

А.Н.Леонтьев говорит, что тремя главными составляющими сознания являются смысл, значение и чувственная ткань. Не обладая возможностью существовать вне мира и без мира, человек в качестве первой и несомненной (для него) реальности

получает чувственный образ реальности. Этот образ становится первым и непреложным законом, субъективным критерием истины и точкой отсчета. Однако, чувственная ткань у Леонтьева – это не просто один из элементов сознания наряду со смыслом и значением. Здесь слово «ткань» несет смысловую нагрузку образования, придающего целостность сознанию и его двум «основным составляющим» - значению и смыслу. Чувственная ткань «переплетает» смысл и значение особым, лишь данной ткани присущим образом. Смысл и значение, благодаря этому, обладают специфическими обертонами, которые накладывает на них эмпирический опыт.

Чувственная ткань, как правило, существует неразрывно с предметностью образа. Но бывают ситуации (обычно, экспериментально созданные или являющиеся результатом специально направленной интроспекции), когда предмет и соответствующая ему чувственная ткань не совпадают. Это дает основания говорить о чувственной ткани как особой составляющей сознания, как бы противостоящей диаде «смысл-значение». Чтобы понять столь странное переплетение «единиц», мы должны обратиться к той сверхзадаче, которую ставит перед собой Леонтьев, создавая свою теорию.

Когда-то Рене Декарт разделил мир на две субстанции: непротяженную и протяженную, - и поставил, таким образом, границу между «я» и миром. Правда, Декарт понимал «сознание» не так, как это делали другие исследователи, бравшие в качестве сознания только его рациональную составляющую: мышление, познание. Декарт говорил, что страсти, эмоции, чувства, мысли (мы помним слова Л.С.Выготского – «за значением стоят эмоции») – вот оно, содержание сознания. Сознание Декарта – это мир переживаний человека, а не одна только мысль. Тем не менее, граница между сознанием и миром была проведена: мир как объект, и я как субъект. Я изучаю мир. Мир находится вне меня. Мир – это внешнее по отношению к моему сознанию.

В результате картезианского деления ученые стали рассматривать материю как нечто неживое и существующее абсолютно независимо от разума, а материальный мир - как огромный, сложный агрегат, состоящий из множества различных частей. Такое механистическое воззрение было воспринято и Исааком Ньютоном, который построил на его основе свою механику, ставшую фундаментом классической физики. Философия Декарта была важна не только для развития классической физики, но также оказала огромное влияние на весь образ мышления людей вплоть до сегодняшнего дня. В соответствии со знаменитым высказыванием Декарта: «Мыслю, следовательно – существую», - человек стал отождествлять себя со своим разумом, а

не со всем организмом, начал воспринимать себя как некое «эго», существующее «внутри» тела. Перед разумом, отделенным от тела, поставили невыполнимую задачу контролировать функции последнего, что неизбежно приводит к конфликту между сознательной волей и произвольными побуждениями.

Прошли века, прежде чем Э.Гуссерль предложил свой феноменологический метод, метод феноменологической редукции, метод «эпохе». В принципе, соглашаясь с Декартом в вопросе о противостоянии сознания и материи и считая это неоспоримой истиной, вытекающей из чувственных данных нашего сознания, Гуссерль, далее, говорит, что в своем делении Декарт провел границу не там, где следовало бы. Дело в том, утверждает Гуссерль, что в самом сознании существуют разные слои, не учитывая существование которых, мы останемся на уровне «физикалистского объективизма», присущего науке Нового времени. Гуссерль говорит: Декарт не увидел, что наше сознание имеет два слоя: чувственное сознание и трансцендентное или аподиктическое сознание. Когда мы считаем, что взаимодействуем с окружающим нас бытием, мы остаемся на уровне чувственного сознания, которое дает нам определенную связь с миром. Но на самом деле нахождение истины осуществляется в трансцендентной сфере сознания, которая и дает нам настоящие, аподиктические истины. Гуссерль как бы продолжает рассуждения Платона о соотношении «мнений» и «знаний». Чувственно воспринимаемая информация, говорил Платон, дает нам только мнение – искаженное, неправильное, неверное. А есть еще знание – приобщение к миру истины. Феноменолог, по мнению Гуссерля, должен своим усилием освободиться от чувственного наслоения, чтобы постичь истину.

В качестве способа постижения истины Гуссерль предлагает феноменологический метод, или метод «эпохе», применяя который мы должны преодолеть чувственное сознание, чувственную ткань (если употреблять термин А.Н.Леонтьева), очистить наше сознание от его чувственности. Соответственно, преодоление чувственного слоя сознания и есть, по Гуссерлю, преодоление границы между мной и миром: эта граница должна проходить между чувственным и трансцендентным сознанием.

Л.С.Выготский в работе «Исторический смысл психологического кризиса» резко критикует феноменологию Э.Гуссерля. Выготский утверждает, что главное противостояние в психологии заключается в ответе на вопрос: с кем мы – с Гуссерлем или с Фейербахом, иными словами, изучаем мы, соответственно, сознание как явление или сущность сознания. Гуссерль, говорит Выготский, пытается изучать явление, феномен, Л.Фейербах – сущность этого явления.

Надо сказать, что Л.С.Выготский не был знаком с последними работами Э.Гуссерля. В этих работах, написанных уже после смерти Выготского, автор феноменологии конкретизирует свою точку зрения, соглашаясь с критикой, аналогичной той, которая была высказана Выготским. На самом же деле нет ничего более сближающего взгляды Гуссерля и Выготского, чем идея «эпохе» («феноменологической редукции»), предложенная Гуссерлем. Принципиально приняв в качестве исходной философию И.Канта, Гуссерль вместе с тем, утверждает, что все трансцендентальные понятия Канта суть «конструктивные понятия», т.е. понятия, которые принципиально противятся «последнему прояснению». Но именно такое «прояснение» и необходимо, чтобы вскрыть истинное состояние бытия. Чтобы произвести такое прояснение, необходимо применить «эпохе». Главное в этом феноменологическом методе состоит в том, что мир, так как он нам дан в явлениях, т.е. в этих самых обыденных представлениях, не может служить источником истинных знаний. Это – очень близко к разделяемому Выготским утверждению К.Маркса: если бы явление и знание были тождественны, никакая наука не была бы возможной. В этом и состоит суть феноменологии: явление не дает нам истинное знание. Мы должны снять (методом «эпохе», или «всматривания», как говорит ученик Гуссерля М.Хайдеггер) все непосредственно данные нам в нашем сознании явления и добиться извлечения феноменального знания.

Разве это не созвучно идеям Выготского о том, что явление, данное нам в сознании, не несет истинного знания? Конечно, эти подходы очень похожи. Разница, пожалуй, «лишь» в том, что вместо феноменологического анализа Выготский предлагает использовать метод анализа по единицам. Но это – не противопоставляет друг другу две теории, а, скорее, взаимодополняет их. Феноменология Э.Гуссерля имеет ту же методологическую направленность, что и диалектическая психология Л.С.Выготского. По Гуссерлю, феноменология это – снятая форма натуралистической психологии, против которой, между прочим, выступает и Выготский. И Гуссерль, и Выготский «снимают» натурализм старой психологии. Но для Гуссерля новая психология должна быть построена феноменологическим методом, а для Выготского – методом анализа по единицам.

У Гуссерля феномен – не то, что дается нам при помощи чувственного сознания. Это – не то, что мы «увидели» или «услышали». Что-то есть за пределами чувственного мира, который презентирован (как сказал бы А.Н.Леонтьев) нашему сознанию. Это «что-то» дает нам непреложную аподиктическую истину. И мы должны снять методом

«эпохе» чувственный слой, пробиться к этой истине, которая существует в нашем трансцендентном сознании.

В теории А.Н.Леонтьева, как мы помним, чувственная ткань скрывает противоборство двух главных единиц деятельности: смысла и значения. Здесь обнаруживается структурное сходство двух теоретических конструктов. Э.Гуссерль утверждает: за чувственным слоем сознания – сфера аподиктических истин; Леонтьев утверждает: за чувственной тканью – противоречивое единство смысла и значения.

Мы взаимодействуем с миром, получая таким образом чувственную информацию. Наше восприятие не может никуда деться от этой чувственной ткани. Но это – именно ткань, основа. Она не равноправна со смыслом и значением, которые в теории А.Н.Леонтьева составляют главный предмет психологического исследования. Заявив: «чувственная ткань необходима», - Леонтьев направляет фокус своего внимания на взаимодействие смысла и значения, которое разворачивается на этой тканой основе. На этой паутинке чувственной ткани колышутся значащие и смысловые составляющие психологической системы. И этот мир – смыслов и значений – главный для психолога. Чувственная ткань есть, но, заявив, постулировав ее наличие, Леонтьев словно забывает про нее. Остаются смысл и значение. Эта схема будто специально придумана Гуссерлем для Леонтьева. Или, скорее, Леонтьев использует схему, придуманную Гуссерлем. Чувственная ткань, с одной стороны, и мир противостояния смысла и значения, с другой. Чувственная ткань противостоит вчувственному миру, в котором заключено истинное содержание источников саморазвития деятельности.

Взаимодействие сознания и мира, говорит А.Н.Леонтьев, опосредствуется деятельностью, а сознание является внутренней составляющей деятельности. Поэтому если в картезианской и гуссерлианской традиции с миром взаимодействует сознание, то с точки зрения марксистской традиции с миром взаимодействует деятельность. Соответственно и граница должна проходить не между миром и сознанием, а между миром и деятельностью. Таким образом, Леонтьев, с одной стороны, в отличие от Гуссерля, как будто возвращается к схеме Декарта – ведь сознание во всем своем объеме находится по другую сторону от границы, располагающейся между сознанием и миром. Но, с другой стороны, в отличие от Декарта, возвращает сознанию его телесную, чувственную составляющую, придавая ему тем самым идущее от марксистской традиции содержание органической системы.

Если мы теперь попробуем сравнить теорию Леонтьева с теорией К.Маркса, то обнаружим в «Капитале» рассуждения, в которых анализируются чувственные и вчувственные составляющие окружающих нас вещей. Маркс говорит: товар, т.е. то,

чем люди обмениваются в процессе жизнедеятельности, содержит в себе две главные составляющие. Одна из них является продуктом физического труда, и ее можно измерить при помощи физических единиц. Эта составляющая товара соответствует его цене. Но в каждом товаре есть еще один компонент – вневещная составляющая труда человека. Маркс называет ее рабочей силой. Таким образом, в каждой вещи есть чувственная составляющая (труд) и вневещная составляющая (рабочая сила). Эти составляющие сосуществуют в форме товара. Марксизм, таким образом, говорит об одухотворенности мира вещей, предметов. Только вещи эти надо понимать не в том бытовом смысле, о котором говорил Выготский, критикуя старую психологию. Это – предметы, одухотворенные человеком, мир культуры как совокупность артефактов, т.е. чего-то искусственно сделанного. Предмет, будучи вещью, удовлетворяющей те или иные потребности человека, содержит в себе чувственную и вневещную составляющие. Это – принципиальнейшее положение марксизма, воспринятое Л.С.Выготским, а затем получившее свое отражение в теории А.Н.Леонтьева.

Выше мы говорили о том, что в теории Л.С.Выготского предмет исследования является органической системой. Предмет имеет некий материальный или реальный базис и вневещную надстройку. Вместе базис и надстройка предмета составляют саморазвивающееся одухотворенное поведение. Как мы видим, методологически эти представления восходят к идее К.Маркса о двойственном характере товара, который включает базисную часть, вносимую чувственно воспринимаемым трудом, и вневещную надстройку, получаемую при помощи рабочей силы.

У А.Н.Леонтьева, так же, как и в теории Л.С.Выготского, исследуемый предмет состоит из чувственной основы и некоей надстройки. Это – деятельность. Она всегда содержит в себе практическую, т.е. чувственно данную составляющую, чувственную ткань и вневещную составляющую. Музыкант, сочиняющий симфонию, записывает нотные знаки, выполняет действия с музыкальными инструментами. Землекоп, копающий землю, испытывает комплекс чувственных взаимодействий с орудиями своего труда. Но как для композитора смысл его труда выходит далеко за пределы нотной записи, так и труд землекопа имеет для него смысл, который не сводится к копанью земли. В деятельности любого человека имеется составляющая, в которой мы и должны «разместить» смысл и значение. Леонтьев утверждает: есть значение и смысл как главные составляющие деятельности, противоречие между которыми и есть тот самый принцип, механизм, двигатель саморазвития деятельности. Мы должны помнить об этом, переходя к следующему пункту наших рассуждений.

Один из постулатов научного и философского мировоззрения состоит в наличии реальности, данной нам в органах чувств. Мы не можем существовать вне этого мира, вне этой реальности. Иными словами, мы, безусловно, зависим от окружающего нас мира. Но окружающий нас мир также непременно зависит от нашего существования. Как только мы появляемся в мире, мы начинаем воздействовать и изменять его. Получая воздействия извне и оказывая встречные воздействия, т.е. взаимодействуя с миром, мы тем самым создаем свою уникальную психологическую систему, свой индивидуальный внутренний мир, свою деятельность. Поскольку наше осознание мира непременно опосредовано деятельностью, тем самым мы оказываемся в нашем предельно уникальном мире. Ни один из нас не может жить ни в каком другом мире, кроме своего уникального мира. Можно сказать, этот уникальный мир есть смысловое состояние нашей деятельности.

Но это значит, что между каждым из нас и другими людьми существует трудно преодолеваемая граница: ведь каждый из нас живет в своем собственном индивидуальном мире. Действительно, можем ли мы точно знать, что видят в это мгновение другие люди, находящиеся рядом с нами? Мы можем только предполагать это. Мы можем даже поделиться своими описаниями, рассказав, что видит и что переживает каждый из нас. Конечно, скорее всего, эти описания будут в основном совпадать, но все же это будут разные описания. Механизмом передачи таких описаний служит речь. Однако наша речь принципиально дизъюнктивна. Мы всегда высказываем свои мысли, т.е. выражаем свой внутренний психологический мир при помощи отдельных элементов, при помощи слов. Кажется, все мы понимаем значение отдельных слов, составляющих цепочки высказываний. Но действительно ли одинаково мы понимаем содержание слов? Так ли я понимаю слово «дерево», как его понимают другие люди? Так ли мы обозначаем, например, цвета, как их обозначают другие люди? Мы высказываем слово-«островок», а под этим словом в нашем внутреннем мире, в нашей психологической системе – бесконечность нашего понимания, нашего смысла. Когда я говорю, за моим высказыванием в моем внутреннем психологическом мире скрывается целая бездна. И этот мой психологический мир, то, что я подразумеваю, не дизъюнктивно. Нельзя расщепить психологическую систему на формальные составляющие. Таких составляющих не существует, поскольку наш внутренний мир представляет собой континуум. Мы не можем выделить в нем отдельные элементы. В этом заключается главное противопоставление того, что мы выражаем при помощи значения, и того, что живет во мне в форме смысла

Это противопоставление смысла и значения часто проявляется в форме противопоставления рационального и иррационального. Мы считаем себя рациональными людьми, поскольку у нас есть сознание, являющееся механизмом рационализации – конечно, не только в психоаналитическом смысле, но и с точки зрения общечеловеческого здравого смысла. С помощью сознания мы пытаемся упорядочить, логически соотнести воспринимаемый нами поток информации, привести его в соответствие с нашими обычаями, традициями, установками, взглядами, мнениями. Если такое соответствие не устанавливается, мы даже говорим об отклонении от нормы. В этом смысле то, что презентировано нам нашим сознанием, является рациональным.

Правда, термин «рациональное» за века, прошедшие со времени работ Декарта, потерял то значение, которое вкладывал в этот термин Картезий. У Декарта «рациональное» – весь внутренний мир, который презентирован человеку. А нам презентировано не только мышление, формулы, речь, слова, но и наши состояния, переживания, эмоции. Все это Декарт и имел в виду, когда говорил о сознании человека. На протяжении последекартовских веков, когда произошло расщепление на сознание и протяженную субстанцию, сознание стало отождествляться с мышлением, со сферой разума. Все, что не связано с разумом, стали считать иррациональным. Более того, вся сфера переживаний человека, его внутреннего, не формализуемого мира, мира переживаний, которые мы не можем выразить, стала считаться противоречащей моральным нормам и правилам. Хорошо то, что разумно, т.е. подвластно человеку. Все остальное – в том числе и телесные проявления человека, выражающие сферу иррационального - в большей или меньшей степени выходит за пределы моральных законов, которым должен подчиняться человек. Только через несколько столетий З.Фрейд осмелился перешагнуть через запрет обращенности внимания исследователей к иррациональной сфере и начал говорить о бессознательных импульсах, которые руководят человеком.

Таким образом, в психологической системе имеется рациональный аспект, который в сознании проявляется в виде формальных, логических цепочек, математических символов, в виде речи человека, слов. В то же время, существует внутренний, недизъюнктивный, континуальный мир, который мы не можем формализовать. Это противостояние формализуемого, того, что мы можем высказать и передать другим людям, и того, что мы никогда не передадим другому – две компоненты, две неразделимые составляющие нашего внутреннего мира. В каждом из нас живет смысловая субстанция, которая одновременно и не передаваема другим

людям, и не может существовать, не передаваясь другому. В этом – трагизм существования человека: мы не можем жить без Другого, и одновременно - не можем сосуществовать с ним, если рассматривать такое сосуществование как взаимопонимание. Ощущение этого противоречия и является перспективной линией развития культурно-исторической парадигмы, вектором, указывающим направление развития теории А.Н.Леонтьева.

Таким образом, мы приходим к следующему выводу. Мы все испытываем какие-то состояния, переживания, сопровождающиеся неким эмоциональным фоном. Но мы не просто осознаем эти состояния, они имеют для нас тот или иной смысл. Мы все время пытаемся выразить эти смысловые состояния, потому что, не выразив свои смыслы, я перестану существовать как человек. Более того, эти смысловые состояния находятся в постоянной готовности выразиться. Но это – только смысловая составляющая. Это – то, что неподвластно никому, в том числе и мне. Но, благодаря неизбежному стремлению понять других людей и самого себя, у нас сформировался механизм формализации наших внутренних состояний. Мы наблюдаем за телесными и вербальными проявлениями: своими и других людей. Причем, предметом такого наблюдения становятся не только непосредственные проявления нашего внутреннего мира, но и проявления, опосредованные специально создаваемыми экспериментальными условиями. На основании этих наблюдений мы создаем формализованные построения – тексты, как сказали бы представители герменевтической традиции. Анализируя такие тексты, постепенно мы начинаем понимать особенности функционирования психологической системы, которая является предметом нашего исследования. Так можно проинтерпретировать особенности функционирования той органической системы, которая выступает предметом исследования в философии марксизма и изучается в контексте культурно-исторической теории.

К.Маркс, как известно, не занимался психологией. Он - автор экономической теории прибавочной стоимости. В соответствии с этой теорией за счет рабочей силы создается прибавочная стоимость, затем приобретающая форму капитала, вступающего в противоречие с трудом, зафиксированным в товаре. И это противоречие приводит к революционным катаклизмам в обществе. Но в основе этой экономической теории лежат философские рассуждения. Марксизм как философская система утверждает: мы существуем в мире, состоящем из предметов культуры, имеющих материальную основу – будь это музыкальное произведение, созданное великим композитором, или молоток, сделанный на заводе. Каждый из таких предметов имеет и вневещественную

составляющую. Этот мир – «вторая природа», как говорил Маркс, и как часто повторяли представители культурно-исторической психологии. Мы живем в мире, сделанном нами самими. Это – не натуральная природа. Это - природа, так или иначе затронутая деятельностью человека. Но вот вопрос: существует ли вообще нетронутая человеком природа? Как только мы с чем-то соприкасаемся, начинаем проявлять озабоченность какими-то предметами, проявлять к ним интерес, так сразу же эти предметы попадают в наше психологическое поле, а значит - в категориальную сеть нашей деятельности. Но об этом мы будем говорить позже, когда попробуем найти точки соприкосновения теории деятельности А.Н.Леонтьева с философией экзистенциализма в целом и системой взглядов М.Хайдеггера, в частности.

Пока же остановимся на том, что именно в деятельности как органической системе, имеющей свою реальную (материальную) и духовную составляющие, мы и должны «разместить» смысл и значение. Есть чувственная ткань, и есть смыслозначачие составляющие, которые определяют содержание деятельности. Поэтому, вслед за А.Н.Леонтьевым мы скажем: это основные составляющие не только сознания, но и деятельности человека. И только благодаря их взаимодействию деятельность получает свое саморазвитие.

Предмет исследования в виде органической системы появляется в политэкономии К.Маркса. Из марксизма этот методологический принцип переходит в культурно-историческую психологию Л.С.Выготского, а затем – в психологическую теорию деятельности А.Н.Леонтьева. Впрочем, культурно-историческая психология, в частности психология деятельности, приходит к более общему по сравнению с марксизмом варианту. Жизнедеятельность человека – более широкое образование, чем та экономическая составляющая, о которой говорит Маркс. Почему же Леонтьев, хорошо знавший работы Маркса, Леонтьев, у которого смысл аналогичен стоимости у Маркса, значение аналогично цене у Маркса, соотношение чувственной и внечувственной составляющих (соотношение значения и смысла) - соотношению цены и стоимости в марксизме - не эксплицировал эту идею? Можно сказать, что теория Леонтьева является построением, включающим в себя экономическую составляющую человека как один из видов его деятельности. Но Леонтьев почему-то не стал делать обобщений, которые напрашиваются сами собой как продолжение диалектической линии развития. Видимо, в 70-е годы прошлого столетия в Советском Союзе подобные обобщения выглядели несвоевременно.

7. Смысл как новое измерение реальности.

7.1. Принцип единства «внешней» и «внутренней» деятельности.

В начале XX века, в психологии еще существовал так называемый постулат непосредственности, который, прежде всего, использовался интроспекционистскими психологическими школами. В соответствии с этим постулатом наше сознание непосредственно взаимодействует с миром. Действительно, если считать предметом психологии сознание, психику, как это и делал интроспекционизм, то мы должны понять, как этот предмет взаимодействует с тем, что его окружает. И тогда появляются схемы, в соответствии с которыми мир воздействует на наше восприятие, как на функцию, часть, элемент сознания. Восприятие непосредственно принимает эту информацию и передает ее в память. В дальнейшем подключаются различные механизмы сознания, но первый импульс этой работе дает непосредственное взаимодействие сознания с окружающим миром.

Уже бихевиоризм выразил сомнения в правомерности такой постановки вопроса. Однако, отрицая непосредственность взаимодействия сознания с окружающей его реальностью, бихевиористы стали утверждать, что сознание вообще не должно входить в состав предмета психологической науки, а сам термин «сознание» является избыточным для психологии. В итоге в психологии сложилась следующая ситуация. Одни психологи – интроспекционисты – призывали изучать сознание, отводя второстепенную позицию поведенческим проявлениям жизнедеятельности человека. Другие – бихевиористы, – игнорируя сознание, считали, что психология должна заниматься только поведением человека. Именно в это время появилась новая школа – культурно-историческая психология – принявшая в качестве своей методологической основы марксизм и такие его представления о предмете психологической науки, которые сегодня мы обозначаем при помощи концепта «органическая система».

Представители культурно-исторической психологии заявили: если мы признаем непосредственность взаимодействия сознания и мира, то утратим реальную основу сознания, утратим понимание поведения человека и его роли в процессе взаимодействия с миром. В то же время, игнорируя сознание, мы вульгаризировали бы психологическую теорию, выводя за ее пределы не только очевидные факты наличия феноменов сознания, но и многочисленные экспериментальные результаты, подтверждающие влияние внутреннего мира человека на его телесную составляющую. Как тогда было принято говорить, мы превратились бы либо в идеалистов, либо в вульгарных материалистов.

Сознание не может непосредственно влиять на мир, говорят представители культурно-исторической психологии, но должно быть что-то, благодаря чему такое

воздействие становится возможным. Это «что-то» должно обладать рядом характеристик. Во-первых, это «что-то» должно быть активным. Этот постулат базируется на априорной очевидности: человек обладает свободой воли, и этот упрямый факт должен найти свое место в любой психологической схеме. Кроме того, это «что-то» должно быть целостным. Иначе окажется, что сознание и поведение – две отдельные составляющие, и мы снова встанем перед выбором: вернуться ли к интроспекционистской точке зрения, в соответствии с которой сознание взаимодействует с миром непосредственно (а поведение – опосредовано этим взаимодействием), или согласиться с тем, что поведение представляет собой всего лишь особую форму протяженной субстанции, подчиненной законам механики. Если принять эту схему, мы должны будем согласиться с наличием двух границ, одна из которых пролегает между сознанием и поведением, а другая – между поведением и миром. Приняв это, мы придем к выводу о существовании двух видов взаимодействия: между сознанием и поведением и поведением и миром. Сознание оказывается не опосредованным деятельностью, а оторванным не только от своего носителя – деятельности, но и от мира.

Эти рассуждения приводят нас, вместе с А.Н.Леонтьевым, к выведению одной из наиболее важных формул его теории: о единстве внешней и внутренней деятельности. Если мы вспомним сопоставление теории деятельности с картезианским и феноменологическим подходом, то увидим, что Алексей Николаевич говорит о необходимости оба вида деятельности – и внешнюю и внутреннюю – включить в одно понятие деятельности, которая противостоит миру. Автор теории деятельности утверждает: нельзя как Декарт и картезианцы делить мир на сознание и материю. А отсюда следует, что должна существовать такая форма реальности, отличительным свойством которой является одухотворенность. И эта одухотворенность не привнесена извне, а органически присуща этой реальности. Выше мы показали, что в психологии Л.С.Выготского такой органической системой выступает одухотворенное поведение. В теории А.Н.Леонтьева речь также идет о явлении, обладающем признаками органической системы. Это - деятельность, которая обладает свойством осознанности, одухотворенности. Леонтьев говорит: не может быть границы между сознанием и телесностью, сознание не может существовать в отрыве от своей реальной основы. Деятельность человека, в соответствии с теорией А.Н.Леонтьева, это - активный, целостный процесс. Активность деятельности проявляется, прежде всего, в том, что ей присуще свойство саморазвития, а значение и смысл являются теми противоречивыми сторонами деятельности, в борьбе которых и происходит «взрыв» развития.

Категория «активности» относится к числу тех основных категорий, которые не становятся предметом психологического анализа. Что такое активность сама по себе – этим вопросом психологи задаются редко. Чаще эта категория выступает как объяснительный принцип. Но нам необходимо выяснить, что такое активность, т.к. это одно из основных свойств саморазвивающейся деятельности.

Если мы заинтересуемся отношением разных психологических школ к проблеме активности, то обнаружим следующие два подхода. Воспользовавшись исторически сложившейся терминологией, один из этих подходов назовем бихевиористским. В соответствии с этим подходом, на организм извне действуют стимулы. В результате организм производит определенные реакции. Второй подход можно назвать интроспекционистским: что-то происходит с организмом (вместо слова «организм» можно поставить термины «психика», «сознание»), рассматриваемым как монада Лейбница, как некая самодостаточная единица, подчиняющаяся своим внутренним законам и не нуждающаяся в сообщениях с внешним миром. Активность здесь – результат внутреннего протекания жизнедеятельности такого монадообразного организма.

Культурно-историческая парадигма по определению, по своему замыслу, по своей сути – это теория социального организма. Человек, как объект культурно-исторической теории, это – существо, которое находится в социальном контексте. Мы уже говорили о том, что в соответствии со схемой А.Н.Леонтьева главный механизм взаимодействия смысла и значения состоит в изменении контекстной ситуации. Организм вступает во взаимодействие именно с ситуацией, а не с отдельно взятым предметом. Например, захотев есть, мы не хватаем первый попавшийся кусок хлеба или мяса и не поедаем их, расчлняя руками, но покупаем продукты в магазине, готовим их, применяя термическую обработку, или идем в столовую, кафе, ресторан, используем столовые приборы и т.д. Иными словами, мы действуем так, как предписывают нам социальные условия. Еда, если воспользоваться приведенным примером, является элементом более широкого, социального контекста.

Конечно, применив скальпель анализа, можно обнаружить, что определенные стимулы воздействуют на нас. При желании и социальное воздействие можно вписать в стимульно-реактивную схему: общество воздействует на человека, а человек реагирует на воздействия общества. Эта схема удобна для определенных структур власти, поскольку придает их функционированию наукообразное обоснование. Так, с точки зрения советского государства, эта бихевиористская схема полностью укладывалась в идеологические нормативы. Многим советским психологам казалось, что осталось

лишь вносить косметические поправки в эту общую схему. Но Л.С.Выготский прекрасно понимал, что в этом случае развитие подменяется социальной стимуляцией. Против этого он и выступал. Его точка зрения: мы должны изучать не просто воздействия извне, а именно внутренние механизмы саморазвития человека.

Если следовать культурно-исторической парадигме, мы должны совместить бихевиористскую схему активности (да, воздействие и ответ на это воздействие существуют) и схему, в соответствии с которой механизмы активности следует искать внутри самой психологической системы. В этой связи Л.С.Выготский приводит высказывание В.Б.Шкловского – одного из представителей так называемого ОПОЯЗа (Общества по изучению поэтического языка), занимавшихся структурной лингвистикой: мы изучаем только внутренние закономерности художественного произведения, мы не говорим о социальных воздействиях, которые влияют на процесс создания этого произведения. Эту логику принимает Выготский: мы изучаем, говорит он, только внутренние закономерности психологической системы.

Эта линия в дальнейшем получает свое развитие у А.Н.Леонтьева, и когда мы переходим к рассмотрению психологической теории деятельности, то обнаруживаем двойственную схему: мы должны учитывать и внутренний закон, определяющий саморазвитие деятельности, и внешнее, т.е. социальное влияние. Да, социум воздействует на человека. Но одновременно смысл и значение в процессе своего взаимодействия выплескиваются, посредством экстернизации, вовне – в форме слов, жестов, формул, предметов и т.д. И эти продукты деятельности, приобретая новые качества, возвращаются в деятельность, видоизменяя внутренний мир человека. При этом мы находимся в бесконечном процессе социализации: ведь продукты нашей деятельности – значения – побывали в социосфере, стали ее элементами, приобретая новое социальное качество. Таким образом, интериоризируя эти предметы, мы осуществляем социализацию самих себя.

Главный же механизм развития – борьба смысловых и значащих сторон, аспектов, составляющих деятельности. С.Л.Рубинштейн, создавший свой вариант деятельностной психологической теории, говорил о том, что внешнее действует на человека через внутреннее. Действительно, анализ теории деятельности показывает, что происходит именно так. Но необходимо сделать одно важное добавление: внутреннее здесь – не набор промежуточных переменных, а взаимодействие различных сторон нашей деятельности, т.е. взаимодействие индивидуального (смысла) и социального (значения). Значение – это сторона нашего внутреннего мира, ответственная за взаимодействие с внешним миром. А внешний мир человека, по

определению, социален. Где бы мы ни оказались: даже посреди океана в лодке под парусом или на необитаемом острове, - мы останемся социальными существами, по крайней мере, до тех пор, пока не произойдут патологические изменения в нашей деятельности. И взаимодействие это происходит не где-то вне деятельности: между деятельностью и миром, между индивидом и обществом, - а в самой деятельности.

Итак, два принципа: внешние детерминанты активности и внутренние источники саморазвития, - совмещаются. Наше саморазвитие не может функционировать без этих двух факторов. Если мы исключим социальное воздействие на человека, то существо, в которое превратится изучаемый нами организм, перестанет быть человеком. Но, исключив из рассмотрения внутренние источники активности, мы окажемся один на один с механизмом, который так же далек от нашего понимания сущности человека.

Деятельность как целостное образование саморазвивается в социальном контексте. Но как в эту схему вписываются известные представления о «внешней» и «внутренней» деятельности? Каков смысл известного принципа единства «внешней» и «внутренней деятельности»?

Под «внешней» деятельностью понимается деятельность предметная и находящаяся за пределами («вне») сознания. «Внутренней» же деятельностью называется деятельность собственно психическая. А.Н.Леонтьеву необходимо было показать, что сознание неотделимо от предметной, практической деятельности. Действительно, когда поэт создает свое произведение, он одновременно совершает практические действия: он записывает текст, произносит его, у него работают голосовые связки, происходят процессы артикуляции. А когда рабочий производит физические действия, например, создавая деталь за токарным станком, одновременно он обязательно производит психологические действия, планируя предполагаемую предметную деятельность, запоминая (и припоминая) те или иные детали своего плана, подключая воображение, удерживает целостный образ создаваемой детали в умственном плане и т.д. Казалось бы, действительно, «внешняя» и «внутренняя» деятельности едины, нераздельны.

Но вопрос этот не столь однозначен, как может показаться с точки зрения здравого смысла. Неоднозначность его такова, что даже основатели психологической теории деятельности – сам А.Н.Леонтьев и его коллеги-единомышленники не имели на него ответа.

Мы уже говорили, что Леонтьев в качестве главного методологического направления своей теории видит противопоставление картезианскому разграничению

мира и сознания человека свою точку зрения: миру противостоит не сознание, а деятельность человека. В своей книге «Деятельность. Сознание. Личность» А.Н.Леонтьев пишет: «Главное различие, лежавшее в основе классической картезианско-локковской психологии, — различие, с одной стороны, внешнего мира, мира протяжения, к которому относится и внешняя, телесная деятельность, а с другой — мира внутренних явлений и процессов сознания, — должно уступить свое место другому различению: с одной стороны — предметной реальности и ее идеализированных, превращенных форм (*verwandelte Formen*), с другой стороны — деятельности субъекта, включающей в себя как внешние, так и внутренние процессы. А это означает, что рассечение деятельности на две части, или стороны, якобы принадлежащие к двум совершенно разным сферам, устраняется. Вместе с тем это ставит новую проблему — проблему исследования конкретного соотношения и связи между различными формами деятельности человека».⁸

Но мы не должны забывать, что А.Н.Леонтьев жил и работал в условиях идеологической системы Советского Союза. И марксизм, который он использовал в своей теории, был препарирован этой идеологией. Именно поэтому он и начинает свою книгу «Деятельность. Сознание. Личность» с того, что определяет деятельность вообще как деятельность практическую, т.е. фактически повторяет картезианскую формулу, сводя деятельность человека к ее телесным проявлениям. И в этих условиях он задался целью доказать единство мира внутреннего, психологического и мира внешнего, практического, что было сопряжено с серьезными затруднениями. Леонтьев жаловался на то, что вся его теория свелась к так называемой «трехчленке»: деятельность (мотив) – действие (цель) – операция (условие). Эту формальную схему изучают, ее пытаются модифицировать. Как говорил П.Я.Гальперин, теорию деятельности технологизировали. Вместо живого учения создали технологию по изучению деятельности: пытались найти такие «части» деятельности, которые в сумме давали «саму» деятельность.

На совещании 1969 г., когда А.Н.Леонтьев пригласил своих ближайших сотрудников, чтобы обсудить возникшие методологические проблемы, он говорил: «Первая трудность, которую я не могу решить и которую я отчетливо вижу, состоит в том, что при такой позиции деятельность снова рассекается. Внутренняя деятельность целиком относится к психологии, как это было согласно картезианскому членению. Внутренняя деятельность – это «богу богово», что касается до внешней, особенно

---

⁸ А.Н.Леонтьев. Деятельность. Сознание. Личность. М., 2004, с.78-79.

практической, деятельности, то она не психологическая, ее нужно отдать кесарю, это кесарево. Только не известно – какому кесарю и кто этот кесарь». Сложилась ситуация, говорит Леонтьев, при которой мы снова возвращаемся к схеме Декарта. Только вместо сознания, мы можем написать «внутренняя деятельность». А вместо «внешняя деятельность» - «протяженная» или «телесная деятельность».

Обсуждение, произошедшее на этом совещании, не внесло никакой ясности в решение поставленной проблемы. П.Я.Гальперин говорит, что «психическая деятельность есть по природе своей внешняя деятельность... То, что мы имеем внутри, - психическая деятельность, отражение – это есть внешняя, предметная деятельность... Если есть какая-то собственно психическая деятельность – она может быть деятельность с объектами, как бы они ни были даны, т.е. с внешним миром. Значит, в отношении их возможна только внешняя деятельность. Психическая деятельность есть вообще разновидность внешней деятельности субъекта, и другого решения не может быть».⁹ Гальперин, таким образом, вообще снимает вопрос о внутренней деятельности.

В свою очередь, Д.Б.Эльконин, говоря о смешении понятий, произошедшем в деятельностной психологии – «представление об этой так называемой внутренней, или, я лучше буду говорить умственной деятельности, смешалось с вопросом о делении всякой деятельности, в том числе и умственной, на ее ориентировочную и исполнительную часть», - предлагает свое решение: «психическая деятельность – ориентировочная часть любой – и умственной, и практической – деятельности», причем, в отличие от умственной деятельности, «вообще не имеет своего экстерииоризованного продукта»¹⁰. Таким образом, в школе А.Н.Леонтьева «внутренняя деятельность» отождествлялась то ли с психической деятельностью, то ли с умственной деятельностью, то ли с ориентировочной основой деятельности, то ли вообще – с деятельностью внешней.

Не добавляла ясности и позиция С.Л.Рубинштейна, в книгах которого утверждалось, что внутренняя деятельность находится «внутри» деятельности внешней: «Всякая внешняя материальная деятельность человека уже содержит внутри себя психические компоненты (явления, процессы), посредством которых осуществляется ее регуляция. Нельзя, сводя действие человека к одной лишь внешней исполнительной ее части, вовсе изъять из внешней практической деятельности человека ее психические компоненты и вынести «внутренние» психические процессы

---

⁹ См.: А.Н.Леонтьев. Деятельность. Сознание. Личность. М., 2004, с.332-333.

¹⁰ А.Н.Леонтьев. Деятельность. Сознание. Личность. М., 2004, с.336-338.

за пределы «внешней» деятельности человека».¹¹ Одним словом, ясности было мало, если она вообще была. У создателей психологической теории деятельности явно отсутствовало единство в понимании того, что такое «внешняя» и «внутренняя» деятельность.

Чтобы разобраться в каком-либо явлении, мы должны провести остранение, выйти на мета- (выше расположенный) уровень рассуждений и посмотреть на это явление извне. Попробуем осуществить такой «выход» и с философско-методологического уровня посмотрим на соотношение «внешнего» и «внутреннего».

Философы говорят о двух основных толкованиях этих понятий: либо что-то физически находится внутри чего-то (например, товар в коробке), либо внутреннее есть сущность внешнего явления. С одной стороны, вульгаризацией марксизма было бы утверждение, будто психика содержится в практической деятельности, как вода в самоваре. Но, с другой стороны, в середине XX века, в идеологически подавленном государстве, невозможно было сказать, что внутренняя деятельность представляет собой сущность внешней практической деятельности. Это назвали бы идеализмом. Впрочем, даже если мы отвлечемся от всевозможных –измов, то не сможем отрицать, что принятие подобной точки зрения стало бы возвратом к интроспекционизму. Если мы отступим от идеологических догматов, и заявим, что внутренняя деятельность является сущностью по отношению к деятельности внешней, то тем самым мы только перевернем соотношение материального и идеального. Вместо того, чтобы искать признаки первичности материи и выводить из нее психику, мы поставим на место «первичного» сознание и станем искать возможности вывести из него предметное действие. Но психология в течение столетий предпринимала бесплодные попытки сделать это. Именно отрицательный результат послужил толчком к материалистической философии. Мы приходим к выводу: применяя термины «внешнее» и «внутреннее» в таком понимании, мы оказываемся в тупике, из которого наука так и не может выбраться.

Применять категорию «внешнее» по отношению к нашей предметной деятельности некорректно. Точно так же некорректно применять категорию «внутреннее» по отношению к нашему психологическому миру. Конечно, эти термины существуют в нашем языке, и мы прекрасно понимаем, что имеет в виду собеседник, когда говорит о «внешней» и «внутренней» деятельности. Но «внешнее» и «внутреннее» - характеристики пространственного соотношения обозначаемых ими

---

¹¹ С.Л.Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии. М., 1959, с.253.

сущностей. Значит, с точки зрения методологии сознание и действие находятся в разных пространствах. В одном пространстве они не могут существовать, не имея общего соизмерения. Это на первый взгляд фантастическое утверждение станет более ясным, если мы вспомним высказанные ранее мысли по поводу «исчезновения времени» и учтем, что, объективируя наш внутренний мир, вынося его вовне и глядя на чувственно воспринимаемую реальность сквозь призму объективации, мы, вместе с тем, объективируем и такие трансцендентные, как говорил И.Кант, т.е. внутренне нам присущие, категории как пространство и время. Через призму этих категорий мы и начинаем воспринимать и оценивать мир.

7.2. Значение как «пятое измерение».

Анализ категории «деятельность» показывает, что она не описывается в терминах, которые нам предлагает наше чувственное восприятие. Мы не видим и не слышим деятельность человека. Мы можем воспринимать только продукты, произведения деятельности – предметы. И воспринимаем мы эти предметы как те «островки», которые выплескиваются вовне и получают свою чувственную оформленность.

Вспомним рассказ Л.Леви-Брюля про вождя племени, который говорит: я не убил оленя потому, что в соседнем селении через три дня умерла женщина. Промах на охоте и смерть женщины «сопричастны» в мышлении первобытного человека. Этот пример очень показателен в контексте наших рассуждений. Два «островка» - промах на охоте и смерть женщины в соседнем селении – в «нашем» времени разделены интервалом в три дня. Причем смерть женщины, произошедшая через три дня после промаха на охоте, с точки зрения человека нашей цивилизации никак не может быть его причиной. Но вождь первобытного племени уверен в том, что эта смерть и есть причина его промаха. По-видимому, логично предположить, что оба события имеют своей причиной неизвестное нам явление, скрытое от нашего сознания. Эта неведомая сила является причиной обоих событий. Но по каким-то своим, еще не ведомым нам законам мышление первобытного человека может выстраивать причинную цепочку и от промаха к смерти (как и в нашей современной логике) и от смерти к промаху (что для нас выглядит странным). На самом деле, сила, вызывающая оба события, скрыта от нашего чувственного восприятия. И когда проявится эта сила, с точки зрения нашего физического времени неважно. Более того, следствия этой силы могут проявиться совершенно в разных точках на нашей временной шкале. Первобытное мышление, непринужденно оперирующее причинными зависимостями, скажет, что одни из этих

следствий являются причинами других. И, хотя Леви-Брюль говорил, что первобытное мышление – не этап, который в дальнейшем исчезает, а уровень сознания, имеющийся и у современного человека, в нашем мышлении такой легкости нет: мы считаем, что причинно-следственные зависимости строго ориентированы в соответствии с осью времени. Однако все наши попытки понять методологические основы культурно-исторической психологии приводят к другому выводу: эти явления опосредованы особым психологическим механизмом, скрытым за пределами нашего сознания.

Возможно, особенности этого механизма приоткроются нам, если мы рассмотрим следующий момент теории А.Н.Леонтьева. В посмертно опубликованной статье, посвященной категории «Образ мира», Леонтьев вводит понятие «значение как пятое измерение». Мы воспринимаем мир, говорит Леонтьев, в его пространственно-временных характеристиках. Но мир всегда воспринимается в преломлении через наши значения. Если мы воспринимаем окружающий нас мир, то этот мир не одинаков для каждого из нас. Каждым человеком мир преломляется, словно между нами и миром помещена своеобразная призма. (Вспомним в связи с этим приведенные выше рассуждения об уникальности индивидуальных миров.) Мы «смотрим» сквозь призму наших значений, говорит Леонтьев. Экстериоризованный (объективированный, как сказал бы Н.А.Бердяев) «внутренний» мир, социализируясь, возвращается к нам и еще больше индивидуализирует нашу психологическую систему.

Один из вопросов, который возникает в этой связи: почему А.Н.Леонтьев говорит о значении, а не о смысле? Дело в том, что проблематика соотношения значения и смысла в 70-е гг., когда Леонтьев высказал мысль о значении как пятом измерении, - проблема смысла в то время не разрабатывалась так интенсивно, как сегодня. Соответственно, понятия «смысл» и «значение» все еще зачастую использовались как синонимы, как очень близкие по своему содержанию термины. Поэтому наиболее правильным было бы сказать: говоря о значении, Леонтьев подразумевает внутренний мир человека, его «внутреннюю» деятельность. А, учитывая те исследования, которые были проведены школой Леонтьева за последнюю четверть века, мы можем сказать по-другому: «смысл, смысловая сфера как пятое измерение».

Итак, в попытке формализовать внешний мир, мы накладываем на этот мир свою категориальную, понятийную сеть. Мир начинает приобретать очертания, которые мы ему придаем. И тут мы можем припомнить представления, которые привнес в наше научное мировоззрение ученик Э.Гуссерля М.Хайдеггер. Хайдеггер в одном из основных своих произведений «Бытие и время» заявляет: когда я, человек появляюсь в этом мире, я привношу в него мое «присутствие» (похожий по своему

смыслу термин «поступок» есть у М.М.Бахтина), которое начинает взаимодействовать с миром. Важно, при этом, что мое присутствие в мире «озабочено» - еще один термин Хайдеггера. «Озабоченность присутствия» - понятие, при помощи которого Хайдеггер поясняет, что он имеет в виду, когда говорит о взаимодействии «я» и мира. Изначальная озабоченность моего присутствия в мире начинает взаимодействовать с миром таким образом, что создает свое собственное пространство и время. Не мир «навязывает» мне свои пространственно-временные характеристики – я сам создаю пространство и время своим озабоченным присутствием. Я не принимаю этот мир с его пространством и временем – я сам в эту реальность (которая, безусловно, существует объективно) привношу особый слой пространственности и темпоральности.

Для пояснения своей точки зрения М.Хайдеггер приводит следующий пример. Представим себе человека, пришедшего в музей. Предположим, этот человек страдает близорукостью и носит очки. Вот он подходит к картине и начинает ее рассматривать. Что ближе к этому человеку: очки или картина? Конечно, картина, отвечает Хайдеггер, - ведь человек поглощен ее рассматриванием, а про очки в этот момент может и вовсе забыть. Возьмем другой пример. Для лектора слушающие его студенты, с точки зрения озабоченности присутствия, с точки зрения построения моего пространственного мира, располагаются значительно ближе, чем очки, физически находящиеся в непосредственной близости от его лица. Если воспользоваться терминологией А.Н.Леонтьева, нам ближе то, что попадает в сферу пристрастности нашей деятельности.

Мы находим интересные эмпирические подтверждения идеи «пятого измерения» в разных научных и паранаучных исследованиях. Множество примеров «деформации времени» приведено в книге В.А.Черноброва «Тайны времени». Приведем только один из них.

«Многие из прочитавших классический роман Л.Толстого "Война и мир" конечно же, вспомнят красочное описание взрыва пушечного ядра, произошедшего рядом с князем Болконским. Как много мыслей передумал в тот миг главный герой, как долго он наблюдал замедленный момент взрыва... Но для огромного большинства советских школьников весь этот сюжет - не более чем литературная гипербола автора. Так думал и я до тех пор, пока сам, будучи на границе, не столкнулся с подобным вплотную.

Плотнее некуда. В 5 метрах правее от себя. Фигуру человека с пулеметом наперевес я увидел слишком поздно, когда пули уже летели в меня. Звука выстрела не слышал. Зато четко видел черную дыру ствола, и словно бы заглядывал в этот

черный колодец. И еще, хотя и менее четко (внимание было отвлечено черным дулом), но все-таки я видел пули, летящие рядом с моей головой. Уворачиваться от них не составляло никакого труда, не сложнее, чем от тяжелолетающего шмеля. Стрелявший был уверен, что с такого расстояния (5 м!) не промахнется, поэтому даже поленился прицелиться, и стрелял с бедра. Расстреляв в меня все свои 45 патронов - длинный рожок опорожняется за 3 секунды - он очень удивился и скрылся. По моему мнению, прошло, наверное, около минуты, а точнее говоря, время в тот момент вообще остановилось. На каком-то неосознанном, полностью отрешенном от всяческих мыслей, автоматизме я выстрелил в ту сторону из гранатомета (автомат в тот момент был у меня за спиной). Результата собственной стрельбы я не видел, возможно, в тот момент он был мне абсолютно безразличен... Уже позже капитан Каменев, свидетель произошедшего, сказал, что мой выстрел из РПГ-7 едва не задел голову стрелявшего, но "это детали, а главное, что сам в рубашке родился!"

Почему пулеметчик не сделал из меня решето с 45 дырочками, я тогда не понял». ¹²

Тот же автор описывает всевозможные случаи субъективного замедления времени для людей, попавших в сложные ситуации (аварии, катастрофы и т.п.).

Этот парапсихологический пример, возможно, не является достаточно убедительным для представителей «серьезной» науки. Но похожие данные собраны и на кафедре психологии труда и инженерной психологии МГУ и описаны ее заведующим Ю.К.Стрелковым. В данном случае исследовалось восприятие времени летчиками, попавшими в аварийные ситуации. В таких случаях пилоты, например при необходимости катапультирования, «проживают» несколько субъективных минут, хотя объективные замеры времени свидетельствуют о том, что проходит несколько секунд. Пилот успевает вспомнить своих родных и близких, значимые эпизоды из своей жизни, оживляет в памяти пункты инструкции по катапультированию и только после этого нажимает кнопку катапульти.

Как тут не вспомнить «озабоченное присутствие» М.Хайдеггера и «пятое измерение» А.Н.Леонтьева. Мое присутствие, по терминологии Хайдеггера, создает темпорированность («временизированность», если попытаться дословно перевести этот термин на русский язык) мира, задает некое новое измерение, которое накладывается на бытие.

---

¹² В.А.Чернобров. Тайны времени. <http://e-puzzle.ru/>

Таким образом, рассматривая тенденции развития культурно-исторической психологии, мы приходим к определенному вектору ее движения. В перспективе намечается сближение теоретических взглядов, о которых мы сегодня говорим, с экзистенциальной идеей, в соответствии с которой человек является существом, создающим вокруг себя (посредством смысловой системы деятельности, сказали бы мы) особый пространственно-временной мир, отличающийся от мира других людей. Деятельность как смыслозначащий организм предписывает нам свои интерпретации окружающего нас мира. Иными словами, все, что мы воспринимаем, осмысленно. Даже для, казалось бы, бессмысленных явлений мы подбираем соответствующие обоснования, включая их, таким образом, в свою смысловую систему. Конечно, эта система, задающая координаты окружающего нас мира, еще очень плохо изучена. Но, как сказал К.Юнг, «лишь по-детски мыслящие люди воображают, что мир таков, каким мы его себе представляем. Образ мира является проекцией мира самости, в то время как последняя является интроекцией внешнего мира. Лишь особый разум философа способен взглянуть по ту сторону этой привычной картины мира, населенной статичными и изолированными друг от друга вещами». Юнг усматривал и границы, которые ставит такому видению мира обыденное сознание: «Выйдя за пределы этой картины, вы рискуете вызвать потрясение в обыденном сознании: вздрогнет и зашатается все мироздание, самые сокровеннейшие убеждения и надежды окажутся помятыми, и я не вижу необходимости распатывать устоявшийся порядок вещей. Это не принесет пользы ни пациентам, ни врачам; хотя, возможно, это то, что полезно философам».¹³

Юнг высказывает опасения: сможем ли мы справиться с энергией, скрытой в нашей самости? Возможно, последствия окажутся страшнее последствий взрыва водородной бомбы. Эти мысли были высказаны в 1935 г. В то время еще казалось возможным удержать энергию самости в ее «внутренних» границах. Пережив первую мировую войну, человечество хотело верить, что подобное не повторится, что самость человека получила достаточную прививку, чтобы навсегда отказаться от наиболее мрачных своих проявлений. Сегодня мы знаем, что бывает Освенцим и Беслан. «Человек разумный» успешно преодолевает все новые и новые моральные барьеры. Что еще ожидает человечество после извержения этой зловещей субстанции? В конце концов, «психотерапия настолько сильна и влиятельна, что не может более позволить себе оставаться антропологически беспечной и не замечать, какой мощности энергии

---

¹³ К.Юнг Символическая жизнь. М., 2003, с.67.

развязывает она, раскупоривая очередной «архетип» и выпуская из него засидевшихся джинов в душевное и социальное пространство».¹⁴ Индифферентное отношение к нашей внутренней энергии вряд ли пойдет нам на пользу.

После всего сказанного мы понимаем, почему многие исследователи, работающие в контексте культурно-исторической парадигмы, занимаются изучением смысловой сферы человека: Б.С.Братусь – смысловыми образованиями личности, А.Г.Асмолов – смысловыми установками, Д.А.Леонтьев – смысловой жизнедеятельностью, В.К.Вилюнас – соотношением смысла и эмоции, В.Ф.Петренко – психосемантикой. Научные теории не стоят на месте. Даже после смерти своего создателя научная теория продолжает свое развитие. Такое развитие характерно и для психологической теории деятельности. Один из учеников А.Н.Леонтьева В.Ф.Петренко говорит, что за десятилетия, прошедшие после кончины Алексея Николаевича, представления о человеке в этой школе смещаются из «царства необходимости» в «царство свободы», от ориентированности на исследование познавательных процессов в сторону изучения целостной личности, что неизбежно сопровождается использованием менее операциональных и формализованных понятий. Это, действительно, так. Но самое главное, что характерно для исследователей школы Леонтьева – это пристальное внимание к сфере смысла.

Теория смысла – естественное направление развития психологической теории деятельности. Смысловая сфера жизнедеятельности человека – активное начало, преломляющее, опосредующее восприятие окружающей нас реальности. Вспомним эксперименты с псевдоскопическим восприятием, когда испытуемый надевает линзы, которые физически «переворачивают» мир, делая более далекие точки близкими, и, наоборот, близкие – далекими. При этом происходит нечто, нарушающее наши ожидания. Наблюдатель смотрит в псевдоскоп на человеческое лицо и вовсе не наблюдает никаких изменений в рассматриваемом предмете. Этот опыт замечательно иллюстрирует идею «пятого измерения». Благодаря измененным ощущениям наблюдатели должны были бы видеть обратный рельеф лица с провалившимся носом, вогнутыми глазами и т. д. Однако наблюдатели этого не видят и не могут увидеть даже в том случае, если очень стараются. На сетчатой оболочке глаза даны все условия для восприятия формы с обратным рельефом.

---

¹⁴ Ф.Е.Василюк. Историко-методологический анализ психотерапевтических упований. // Труды Ярославского методологического семинара. Методология психологии. Ярославль, 2003, с.43.

Однако такая форма не воспринимается, поскольку опыт всей жизни человека противоречит такому восприятию. В других экспериментах наблюдателю предлагалось посмотреть в псевдоскоп на выпуклую скульптуру. И в этом случае предмет наблюдения так же, как и живое человеческое лицо, продолжал казаться выпуклым. Более того, когда испытуемому предлагалось посмотреть на вогнутую маску лица той же скульптуры, эта маска воспринималась выпуклой. И даже в том случае, когда испытуемый смотрел одновременно на выпуклую и вогнутую формы лица, он видел обе формы выпуклыми. Даже если мы посмотрим на фотографию внутренней стороны маски, и если, при этом, контекст, в котором находится эта маска, не дает нам никаких подсказок, то воспримем это изображение выпукло. Эти и другие опыты показывают: физические закономерности оказываются подчиненными тем ожиданиям, которые привносит наш опыт или, как мы это назвали, смысловая сфера нашей деятельности.

8. Диалогизм как системное качество деятельности.

8.1. Деятельность как внечувственная реальность.

Наша индивидуальная психологическая система - уникальное образование, функционирующее по правилам, которые позволяют нашему сознанию выявить фенотипическую картину мира, в основе которой лежат каузально-динамические закономерности. У нас есть две возможности. Мы можем либо, вслед за Н.А.Бердяевым, признать эту систему мистической и тогда теряем всякие основания проводить научно-психологический анализ. Либо мы должны признать, что за пределами нашего чувственного восприятия существует мир, который отрывочно и далеко не полно дан нам в нашем сознании при помощи органов чувств, но некоторые элементы этого внечувственного мира даны нам при помощи иных механизмов: инсайта, интуиции и т.п.

В «Историческом смысле психологического кризиса» Л.С.Выготский говорит: «положительная роль психики – не в отражении (отражает и непсихическое; термометр точнее, чем ощущение), а в том, чтобы не всегда верно отражать /не пропускать ненужное. – С.М./, т.е. субъективно исказить действительность в пользу организма»¹⁵. Одним из привычных для нас проявлений такого субъективного искажения является неспособность наших органов чувств непосредственно воспринимать развитие. Даже если мы говорим о развитии того или иного объекта (например, растения или ребенка),

---

¹⁵ Л.С.Выготский. Психология развития человека. М, 2003, с.98.

мы воспринимаем только отдельные моменты этого развития – изменяющуюся вещь в различные моменты ее существования. Наше восприятие устроено так, что развитие само по себе непосредственно нам не дано. Мы можем только делать выводы, сопоставляя те самые моменты существования объекта, которые нашему сознанию даны. Однако весь ход наших рассуждений показывает: реальность, которая дана нам в чувственном восприятии, а, следовательно, и в нашем сознании, никогда не совпадает с тем реальным процессом развития, который исследует психология.

Нельзя отождествлять мир, который дан нам при помощи наших органов чувств, с существующим, реальным миром. Если бы такое отождествление было возможно, то следовало бы признать, что мир таков, каким его воспринимаю я. Значит, мир таков же для всех остальных. Эта иллюзия многократно становилась причиной конфликтов, приводивших к непоправимым катастрофам, как отдельных людей, так и все человечество.

Наука это то, что умеет объяснять, считает Л.С.Выготский. Причем, объяснять предмет надо не из него самого, как это делал интроспекционизм, а из тех отношений, в которые этот предмет вступает. Это – во-первых. А, во-вторых, изучать предмет – значит, узнать законы его развития, а не только сделать «фотографию» предмета. Но как только мы привлекаем в наш анализ принцип развития, тут же утрачивается связь предмета с чувственной реальностью. Ведь наши органы чувств всегда ограничены временем «сейчас». Прошлого и будущего для нашей чувственности не существует. Значит, идя по пути каузально-генетического анализа, мы должны обратиться к прошлому предмета исследования. А это прошлое скрыто от наших органов чувств, но содержится в этом предмете в снятой форме.

Мир внечувственного не следует интерпретировать как мистические сущности, не подвластные научному анализу. Нет ничего удивительного или невозможного в существовании такой внечувственной реальности. Утверждать ее невозможность – все равно, что говорить, будто если мы что-то уже не видим или еще не видим, то этого не было и не будет. Аналогично, если мы что-то не видим, это не означает отсутствие невидимого. Причем, возможность его наличия дана не только потенциально (когда фокус нашего внимания не направлен на объект), но и актуально: когда возможности нашего чувственного восприятия просто недостаточны для чувственного восприятия данной реальности. Значит реальность и чувственно данная реальность – не одно и то же.

Предмет нашего исследования не дан нам непосредственно при помощи наших органов чувств. Это - ключевое звено наших рассуждений. Более того, это ключевое

звено любого научного исследования. Наука не может исходить из того, что чувственно данный мир тождествен тому миру, которым наука занимается. Все естествознание построено на исследовании так называемых идеальных объектов. Ни один физик не занимается движением «вот этих» протонов или «вот этих» шаров – таких протонов или шаров, которые даны ему в его чувственном восприятии. Он занимается идеальной моделью, которая не совпадает с явлением, наблюдаемым в эксперименте.

Эти принципы науки не должны забывать психологи. Предмет нашей науки находится за теми пределами, которые подвластны нашему чувственному восприятию. Это принципиальное положение всегда должно составлять фон любого психологического исследования. Когда мы начинаем описывать наш предмет какими-либо терминами, например, при помощи понятия «деятельность», мы описываем идеальный, внечувственный предмет.

Когда мы обозначаем, психологические явления термином «деятельность», мы часто отождествляем эти явления с чувственно данными событиями, считаем, что деятельность это то, что мы видим, слышим, чувствуем. Более утонченная точка зрения состоит в том, что деятельность зафиксирована в продуктах деятельности человека, и если мы не можем «увидеть» саму деятельность, то в любом случае чувственно взаимодействуем с деятельностью опредмеченной.

Однако и в том, и в другом случае мы не воспринимаем деятельность, и воспринимать не можем, поскольку деятельность – это чувственно-внечувственное состояние человека. Да, деятельность зафиксирована в своем продукте. Но – это не сама деятельность, а ее преобразованная форма. Да, человек все время производит какие-то деятельностные акты. Но это – не деятельность, а поведение, которое, действительно, воспринимается нами в виде чувственных данных актов. Это – «внешняя» деятельность, из которой исключена ее «внутренняя» составляющая. И то, что дано нам при помощи сознания, тоже не деятельность, а явления «внутренней» деятельности. Попытки найти деятельность в форме явлений сознания, как это делал интроспекционизм, или в форме поведения, как это делали бихевиористы, как известно, не привели к успеху. Это, конечно, не означает, что мы должны навсегда отказаться от интроспекции или от изучения поведенческих проявлений деятельности. Дело в другом: предмет психологии – не сознание и не поведение, а деятельность.

Говоря о внечувственной природе предмета психологического исследования, мы не должны на основании этого делать вывод, будто традиционные методы психологического исследования должны быть исключены из психологии. Мы говорили об антиэмпиризме Л.С.Выготского, который резко критиковал применение

эксперимента в психологии. Значит ли это, что эксперимент вообще не может считаться психологическим методом? Конечно, нет. Но мы должны всегда помнить, что эксперимент позволяет нам увидеть, изучить и «просчитать» не сам предмет психологического исследования, а только чувственно данные «островки», на которые эта чувственность «выплеснута» при помощи экспериментальных методик.

Еще один способ изучения предмета психологии – анализ произведений искусства. Писатель, художник, композитор дают нам – опять в виде «островков» – свой внутренний мир и внутренний мир своих героев. Не случайно психологи испытывают такой интерес к психологии искусства, а создатели лучших художественных произведений, например, Ф.М.Достоевский или А.П.Чехов, считаются замечательными психологами.

Важным методом в современной психологии считается математика. Вместе с тем, многие психологи не могут ответить на вопрос, в чем состоит ее глубинное значение для психологии. Обычно, говорят: математика необходима для того, чтобы развивалось мышление, способность логически излагать свои мысли, рассуждать. В современной психологии математика применяется либо для статистической обработки экспериментальных данных, либо как метод моделирования отдельных психологических функций. Психологи часто забывают, что математика является символическим языком описания мира, и предмет психологии, как часть этого мира, должен стать предметом такого математического описания.

Наконец, в познании внечувственной реальности большие возможности предоставляет психотерапевтическая практика, появившаяся в XX веке, благодаря усилиям, прежде всего, З.Фрейда. Но мы должны различать психотерапию, как практику, направленную на содействие человеку, испытывающему те или иные проблемы, и психотерапевтическую практику как метод исследования. Психотерапевты, производя своеобразное «самораздвоение», т.е. будучи не только терапевтами, но и психологами-исследователями, пытаются проникнуть в мир смысловых образований, в мир самости.

Таковы некоторые способы и методы, которыми может воспользоваться психолог, изучающий свой предмет, деятельность человека. Но нужно четко понимать, на что мы направляем свое внимание: на сознание человека и его функциональные проявления (память, мышление, восприятие и т.д.), на телесно-поведенческие проявления деятельности или на более глубокие деятельностные составляющие, которые не даны нашему чувственному восприятию непосредственно. Ни в коем случае нельзя отрываться от эмпирического материала и делать выводы, восходящие к

оторванным от чувственности наивысшим уровням абстрагирования. И не потому, что чувственные данные позволяют нам постичь истину, как считали позитивисты, а потому, что для постижения истины мы должны выйти далеко за пределы тех данных, которые могут быть получены посредством чувственного познания.

8.2. Диалогизм деятельности.

Любая научная работа является построением предмета исследования. Мы не списываем наш предмет с натуры. Мы каждый раз пытаемся этот предмет построить, воссоздать. Конечно, при этом мы учитываем и пытаемся преодолеть (улучшить, внести в него что-то новое) тот научный контекст, тот «оппонентный круг» (М.Г.Ярошевский), в котором нам приходится работать. Именно благодаря такому сопоставлению своих построений с идеями предшественников и современников, исследователи вводят свои разработки в состав науки.

Взаимодействуя с нашим оппонентным кругом, мы спорим с его представителями, опровергаем те или иные их положения. Но при этом оппонентный круг содержит в себе те детерминанты, благодаря которым наша собственная концепция приобретает тот или иной вектор развития. Преодоление ограниченности интроспекционизма и бихевиоризма, предпринятое культурно-исторической психологией и психологической теорией деятельности, придало отечественной психологии вполне определенное направление, вектор дальнейших размышлений. Сегодня этот вектор указывает в сторону поиска общих методологических принципов, которые связывают культурно-историческую психологию с одним из наиболее перспективных направлений современной психологии – экзистенциализмом.

Одна из главных формул экзистенциализма, высказанная Ж.-П.Сартром, заключается в том, что для человека важна не его сущность, а существование. Существование как процесс – вот главное в человеке, говорит экзистенциализм, а не его сущность как застывшая структура. Эта точка зрения близка мысли Л.С.Выготского о том, что предмет психологии – не вещь, а процесс. Причем, после работ А.Н.Леонтьева этот процесс рассматривается как деятельность человека, т.е. как деятельность, существенным качеством которой является социальность. Но социальность, в свою очередь, - форма взаимодействия людей. Такое взаимодействие традиционно принято называть диалогом. Правда, такой диалог нельзя сводить к речевой коммуникации. Скорее, наоборот, «речь развертывается в стихии диалога» (Г.Гадамер).

Свою теорию диалога пытались создать многие мыслители. К таким попыткам можно отнести антропологию Л.Фейербаха, диалогизм М.Бубера, философию К.Ясперса, неосократизм Г.Марселя, эгологию Ж.П.Сартра, герменевтику Х.Г.Гадамера, теорию М.М.Бахтина, фрейдизм и др. Как правило, в этих теориях категории «Я» противопоставлялось понятие «Ты» или «Другой». Тем самым подчеркивалась раздельность, «внезаходимость» (М.М.Бахтин) субъекта деятельности и окружающего его социума.

Нельзя рассматривать диалог в его чувственной данности, как общение двух собеседников. Присутствие Другого во мне в виде альтернативной перспективы осмысления действительности не зависит от фактического его присутствия в ситуации. Под диалогизмом следует понимать внутреннюю, имманентно присущую деятельности социальность. Только рассмотрение социального как имманентной составляющей субъективного позволяет раскрыть диалектику самодвижения деятельности. Это означает, что в деятельности, кроме тех ее составляющих, которые традиционно описываются как «Я», непременно присутствуют такие составляющих, которые подразумевают другого человека, собеседника, с которым субъект деятельности ведет диалог. Причем, такой диалог совсем не обязательно должен выражаться в поведенческих (в том числе, речевых) актах. Диалог – перманентное состояние деятельности, выражающееся в сопоставлении своего представления о реальности с аналогичными представлениями других людей. Такое сопоставление не всегда бывает осознанным, но его наличие – более того, существование противоречивых отношений между этими двумя системами представлений – служит внутренним источником самодвижения деятельности.

Человек, по крайней мере, в послекартезианской науке, воспринимался как существо монологическое: я говорю, потом ты говоришь, потом снова говорю я и снова – ты. Мы произносим монологи. Такая точка зрения была связана с принципом рационализма, внесенного в науку картезианцами (но не самим Картезием), и состоявшего в том, что главное в человеке – его разум, мышление, когнитивная сфера. Экзистенциализм привнес в науку идею взаимодействия «я» и «ты» в самости, а психология деятельности – идею социальности внутреннего мира человека. Тем самым постепенно формируется мысль, в соответствии с которой человек постоянно производит внутренние размышления в форме диалога. Это – внутренний диалог с миром, который представлен в деятельности социальностью ее содержания. Благодаря этому диалогу, который у А.Н.Леонтьева, в частности, выступал в форме противоречивого взаимодействия смысла и значения, мы живы как люди и имеем

возможность развиваться. Благодаря этой способности к саморазвитию то естественное начало, тот Логос, который живет в нас, постоянно снимает старые образования, сохраняет их в нас и все время превращает их в новые осмысленные состояния, благодаря которым мы имеем право называться людьми.

В глубинах нашей психологической системы, т.е. в моем уникальном мире есть центральное образование – «я». «Я» стремится, как говорят экзистенциалисты, к «центрированности», т.е. хочет занимать центральное положение в этом мире. В то же время, «я» обязательно должно встретиться с кем-то или чем-то другим. Иными словами, «Я» хочу спокойно существовать в центре, но чтобы спокойно существовать в центре, я должен встретиться с другим, а для этого я должен покинуть свой центр.

Давайте вспомним точку зрения культурно-исторической психологии: я могу быть самым собой, только если я существую в мире людей. Я – социальное существо. Если я теряю свою социальность, теряется мой статус. Тогда меня можно назвать как угодно, но только не человеком. Экзистенциализм говорит по этому поводу: «я» должен выйти из своей центрированности и встретиться с другим. В итоге я вхожу в соприкосновение с другим бытием. Но такой выход из состояния центрированности вызывает состояние тревоги. Иными словами, я должен с этим другим встретиться, соприкоснуться, объединиться. Но, с другой стороны, это создает отрицательное смысловое состояние, вызывает тревогу, которая, если останется надолго, приведет «я» к неврозу. Если мы сопоставим эту идею с культурно-исторической методологией, то обнаружим аналогию с идеей необходимости экстерииоризации нашей смысловой сферы. Смысл обязательно должен встретиться с другим бытием и вернуться, так же, как экзистенциалистское «я» должно выйти из своей центрированности и обязательно вернуться в свой центр.

Л.Бинсвангер предлагает три термина для описания бытия человека: митвельт – соприкосновение с природой, амвельт – соприкосновение с другими людьми и айгенвельт – соприкосновение с самим собой. Эти три составляющих представляют собой уровни существования «я». «Я» соприкасаюсь с природой, но это – только самый низший уровень моего существования (митвельт), в чем-то очень похожий на биологический уровень, о котором говорят представители марксистской психологии. Биологический уровень, безусловно, составляет генетическую основу существования человека, но не является его законообразующей составляющей.

Вышестоящий уровень, в подчинении которому находится уровень митвельт, это – уровень амвельт, взаимодействие с другими людьми. Здесь просматривается аналогия с социальным уровнем, о котором говорят представители вульгарно-

материалистической психологии, рассматривая человека в противостоянии социуму. Абстрагируясь от целостности нашего предмета, мы можем рассматривать человека и окружающий его социум независимо друг от друга. Но при этом не следует забывать, что в этом случае теряются существенные признаки деятельности человека, которые обнаруживают себя при рассмотрении бытия человека на уровне айгенвелт.

Айгенвелт - высший уровень бытия человека – встреча с самим собой. Вспомним, о чем мы говорили ранее. Социальное представляет собой контекст, в который я вхожу (уровень амвелт). Но те социальные законы, которым подчиняется мое «я», находятся во мне, а не вне меня. Я не просто взаимодействую с другими. Я нахожу это взаимодействие внутри себя. Можно сказать: я встречаюсь с самим собой.

Что такое, встретиться с самим собой? Объяснить это помогает экзистенциальный концепт «я-другой» или «я-ты». Когда экзистенциалист говорит про «я», он всегда «по умолчанию» подразумевает, что рядом с «я» должно находиться некое «ты», некий «другой». Действительно, мы должны интериоризировать социальный мир, чтобы он стал внутренней средой нашего существования. Мы присваиваем социальное, которое становится контекстом нашего существования. В нашей деятельности, в нашей самости, т.е. в месте расположения моего центрированного «я», таким образом, обязательно присутствует и «я», и «ты».

Я не хочу выходить из своей центрированности, говорят экзистенциалисты, но и не могу не делать это. Так же и смысл не может существовать, не экстериоризируясь и не получая свое обновление в процессе интериоризации. Чтобы оставаться человеком, т.е. социальным существом, я должен постоянно находиться в процессе взаимодействия с миром, т.е. в процессе экстериоинтеориоризации. Это происходит не по моей воле. И культурно-историческая парадигма, и теория экзистенциализма согласно утверждают: процессы экстериоризации-интериоризации и выхода из центрированности происходят не по команде «Да будет!» как, с точки зрения У.Джемса, будто бы происходит волевой акт. Они происходят естественно. Мы не можем опровергнуть этот процесс, остановить его. При этом, мы, конечно, помним, что это – не то понимание «естественности», которое существовало еще в XIX веке, когда предмет рассматривался как объектная часть субъект-объектной диады. В данном случае мы понимаем естественность так, как его понимал Л.С.Выготский: естественно то, что развивается по своим внутренним законам, а не благодаря внешним воздействиям.

Свобода – основное право человека. Мы – свободные люди. Но кто из нас считает себя абсолютно свободным? Наш каждодневный опыт демонстрирует

ограничения, которые накладывает жизнь на свободу. Как говорят нам и экзистенциальная, и культурно-историческая психология, свобода – неотъемлемое право человека. Но словом «свобода» здесь обозначается свобода осознавать необходимость подчинения естественному закону - Логосу, существующему до и независимо от нас. В итоге мы приходим к известному марксову тезису: «Свобода есть осознанная необходимость». Вначале был Закон, который правит этим миром. Познание в пределах Логоса и есть свобода.

А.Н.Леонтьев, проведя свой филогенетический анализ, говорил, что субъект деятельности воспринимает не отдельный предмет, а предмет в контексте. Контекст определяет смысловые характеристики этого предмета. Но мы находимся в мире, который не состоит из множества «ты». В моей психологической системе эти «ты» существуют не в форме дискретных элементов, а как социальный контекст, на фоне которого я воспринимаю себя: «ты» - контекст «я», «я» воспринимаю себя на фоне множества «ты». Окружающий человека мир – это социальный континуум, который в каждом из нас становится целым социальным миром, социальной галактикой. Каждый день мы встречаем другие «я», которые, становясь в процессе взаимодействия с ними нашим внутренним миром, «погружаются» в нашу психологическую систему, становятся ее неотторжимой частью. На уровне своего чувственного восприятия я воспринимаю множество «ты», изменяющих мой внутренний мир. Когда этот социальный мир попадает (посредством интериоризации) в мой внутренний мир, я воспринимаю себя на фоне этого социального контекста. Я – не отдельное «я», поскольку я не могу вырвать себя из этого контекста. В то же время, я стремлюсь сохранить свою центрированность: «я» = «я». Стремясь сохранить свою идентичность, я сравниваю себя не с отдельными «ты», а с социальным контекстом, в котором отдельные «ты» интегрированы как составляющие неаддитивного молярного фона, на котором происходит самоидентификация «я». Таким образом, адекватнее было бы сказать: «я» взаимодействует не с «ты», а с «мы».

Здесь можно припомнить работу Ф.Энгельса «Анти-Дюринг», в которой автор спорит с одним из представителей экзистенциальной мысли XIX в. Евгением Дюрингом. Дюринг, как и многие современные экзистенциалисты, пытался сопоставить «я» и «ты» и при помощи этих концептов найти нить дальнейшего философского рассуждения. Для этого он приводит в пример человека, попавшего на необитаемый остров, а затем встретившего другого человека. В этой встрече, по Дюрингу, и состоит мельчайшая единица социализации. Энгельс отвечает следующим образом. Человек, конечно, попадает иногда на необитаемый остров, как это и описал

Дефо в своем романе «Робинзон Крузо». Правда это происходит очень редко. Но даже на необитаемый остров попадает человек, т.е. социальное существо. Даже Робинзон, попав на необитаемый остров, находит продукты деятельности человека – предметы, попавшие на остров после кораблекрушения, - и взаимодействует с ними, сохраняя себя в качестве человека. Такому самосохранению способствует и Пятница, и даже попугай. Одним словом, не бывает таких фантастических ситуаций, когда человек оказался бы абсолютно изолирован от социума. Нет человека, который взаимодействовал бы с одним-единственным «ты».

Любой, кто входит в сферу моей деятельности, важен для меня не только как уникальная личность, но и тем, насколько он соотносится с моей психологической системой. В мире гениев гений не интересен. Но если человек выделяется своими способностями на фоне общего среднего уровня, он представляет для меня интерес: я сопоставляю себя с ним. Мой контекст изменяется чем-то неординарным. Нечто среднее, напротив, усиливает стабильность моей психологической системы. Я идентифицирую себя на фоне этого контекста: встреча с отклонением от нормы влияет на мою самооценку, уровень притязаний и т.п. Гении и сумасшедшие меняют наш психологический мир, способствуя его саморазвитию. Главное, как мы воспринимаем свое «я» на фоне социального «мы». Важен при этом не каждый встреченный нами человек, а то состояние, в которое мы переходим после этих встреч.

Заключение.

История не есть скопление окаменелостей. Как сказал один из теоретиков экзистенциальной психологии «прошлое – это образ, который меняется вместе с изменением образа себя в целом».¹⁶ История – живой организм, непосредственно связанный с нашей оценкой самих себя, нашего бытия и нашего места в современном мире. Перефразировав известную шутку можно было бы сказать: человечество – цивилизация с непредсказуемой историей. По отношению к вышеприведенному тексту это означает, что мы можем найти в концепциях предшественников такие смысловые обертоны, которые не видели и не смогли оценить исследователи иных эпох.

Один из таких обертонов - отношение к фактам, составляющим исходный пункт любой теории. Факт, данный исследователю в полноте своей чувственности, в

---

¹⁶ Г.Фейфел. Смерть – релевантная переменная в психологии. // Экзистенциальная психология. М., Эксмо, 2001, с.49.

дальнейшем превращается в элемент теории. Чувственная реальность, таким образом, остается лишь исходной точкой, начальным пунктом построения теории. По мере развития теории происходит ее «деонтологизация». Это не означает, что теория перестает отображать реальные закономерности. Такое отображение составляет основное содержание теории. Однако, происходит отрыв понятий, категорий, концептуальных построений от чувственной созерцательности. От чувственно-конкретной и в силу этого нерасчлененной первичной абстракции исследователь осуществляет восхождение к абстрагированию структурных и генетических аспектов предмета и благодаря этому получает возможность построить духовно-конкретную модель предмета своего исследования. Такова сквозная линия развития созданной в СССР психологической теории деятельности А.Н.Леонтьева, содержащей в виде генетически исходной компоненты культурно-историческую теорию Л.С.Выготского.

В современной системе отечественного психологического образования психологии Л.С.Выготского и теории деятельности А.Н.Леонтьева уделяется довольно большое внимание. Однако предлагаемые студентам тексты составляют лишь малую частицу того, что было создано их авторами. По-другому нельзя: количество изучаемого материала строго ограничено временем, отведенным на это занятие учебными планами. За пределами списков обязательной и дополнительной литературы остается масса полезной и интересной информации – размышления, дискуссии, споры. В итоге, зачастую, в «остаточных знаниях» молодых специалистов-психологов от концепции Выготского остается теория интериоризации и понятие «зона ближайшего развития», а от теории Леонтьева – структурный скелет «трехчленки». Не случайно, новые носители подобных структурированных схем считают отечественные психологические разработки скучными и формализованными продуктами советской забюрократизированной науки. В связи с этим одна из основных задач, которую мы перед собой ставили: показать, что культурно-историческая психология – интересная наука. Она не сводится к «трехчленке» Леонтьева или теории интериоризации Выготского.

Но интерес – не единственное достоинство рассматриваемых теорий. По-настоящему интересное никогда не бывает простым. В этой связи хотелось бы обратить внимание тех, кто интересуется дальнейшим развитием культурно-исторической психологии, на сложность этой теории: сложность, которая также не может быть полностью раскрыта на страницах учебников и учебных пособий.

Мы пришли к пониманию деятельности как одной из форм внечувственной реальности, находящейся за пределами нашего сознания и преодолевающей порог

осознания в форме чувственных восприятий. Тем самым, вместе с авторами рассматриваемых теоретических построений мы приходим к новому пониманию предмета психологической науки. Именно в этом новом понимании заключается историческая заслуга культурно-исторической парадигмы, но одновременно скрывается мощный теоретический потенциал, задающий вектор ее дальнейшего развития.

Многообразные психологические школы пытались обозначить свой подход путем формулирования все новых и новых определений своего предмета. Таковым называлась и душа, и психика, и сознание, и поведение, и предметная деятельность, и образ, и личность и т.д., и т.п. Но в основе всего этого многообразия лежал один единственный постулат: предмет психологии должен найти свое проявление в виде чувственно-данного. Отсюда и попытки найти физические корреляты сознания гештальтистами, и отказ от сознания в бихевиоризме, и стремление определенной части советских психологов увидеть психику в предметном действии. Даже ассоциативный эксперимент в психоанализе, даже попытки интроспекционизма внести в психологию естественнонаучную экспериментатику – все это отголоски общей направленности исследователей на поиски чувственно-данных проявлений предмета психологии. Из всех этих бесплодных попыток, завершившихся общенаучным кризисом психологической науки, сам собой напрашивается вывод: все это – попытки обнаружить поверхностные «островки» некоей реальности, которая иной раз, действительно предстает перед нами в форме тех или иных чувственных проявлений, но которая в целом неподвластна ощущениям человека.

В XX веке осмысление психологической реальности претерпело существенные, можно сказать, революционные изменения. В первую очередь это связано с проникновением в общественное сознание марксистского и экзистенциального мировоззрения. Эти философские системы совершили нечто, подобное коперниканскому перевороту в естествознании. В свое время человечество перешло от геоцентрической системы к гелиоцентризму, внедрив тем самым в сознание людей ментальность периферийного существования: из центра Вселенной наша цивилизация неожиданно для себя переместилась на ее периферию. Прожив несколько столетий в этом состоянии, человечество с помощью экзистенциально мыслящих философов начинает возвращаться к воззрению, в соответствии с которым центром Вселенной является сам человек. На этот раз в качестве «центра» рассматривается не объективная пространственно-временная система координат, в соответствии с которой определяется физическое местоположение человека. Философия начинает построение системной

концепции, присвоив содержание которой, каждый отдельный человек должен осознать, что главным в ощущении своего мироположения является осознание себя, своего «я» неповторимым, уникальным творцом своего собственного мира. Независимо от того, в какой точке пространственно-временного континуума находится человек, он всегда занимает центральное положение в своей Вселенной.

Значит каждый из нас - лишь один из множества миров, и мы можем сказать (вспомнив слова Б.Паскаля): человек это «сфера, чей центр везде, чья периферия нигде». Этот центр продуцирует свое пространство (так же, как и свое время), устанавливает свои границы. Если воспользоваться гуссерлианской терминологией, это – мир интенциональных объектов, противостоящий космосу физикалистского объективизма. Экзистенциальный мир задается озабоченностью моего присутствия, поэтому такой мир в качестве первичного принимает «Я» как точку отсчета. Экзистенциальный мир задается через мое отношение к тому, что находится где-то там. Нельзя сказать: я отношусь к такому-то телу, находящемуся в точке с такими-то координатами, задав эти координаты при помощи так называемых объективных пространственных и временных характеристик. Психологически мое место определяется системой отношений, в которые я вступаю на протяжении всей моей жизни. Такой мир нельзя определить, приписав ему единицы измерения: сантиметры, метры, часы, секунды. Для измерения этого мира требуются особые единицы, поиск которых был предпринят Л.С.Выготским и продолжен его учениками и последователями.

Если человек в описанных выше экспериментальных ситуациях воспринимает пространственно-временные характеристики мира не так, как они представлены (презентированы) ему обычно, можно ли говорить об искажении этих характеристик? Если следовать логике (и духу) идеи А.Н.Леонтьева, то правомернее было бы говорить о наложении «пятого измерения» на пространственно-временное измерение и о подчинении его значению. По своему значению это прозрение, произошедшее в контексте размышлений различных философских и психологических школ XX столетия, можно сравнить с тем воздействием, которое оказала теория относительности А.Эйнштейна. Вспомним: в соответствии с теорией относительности кратчайшее расстояние между двумя точками есть не прямая, воспринимаемая органами чувств, но луч света, который «искривляется» (если следовать логике чувственного восприятия) веществом в местах его скопления. Но для того, чтобы адекватно оценить эту мысль, необходимо отказаться от идеи сосуществования пространства и времени в пользу идеи пространства-времени как единой субстанции. Нет времени, существующего в некоем

отдельно существующем пространстве. Но нет и пространства в каком-то независимом временном «потоке». Пространственно-временной континуум неразрывен и един. Любое изменение во времени меняет пространство и наоборот.

Точно так же мы рассуждаем, привнося в наш анализ новое измерение. Когда А.Н.Леонтьев говорил о нем как о «пятом измерении», он не имел в виду собственно значение в его понимании психологией начала прошлого столетия. Речь здесь идет о той «внутренней» структуре, которую Д.А.Леонтьев вслед за Ф.Е.Василюком называет схематизмом, проводя аналогию между этим понятием и «интродектами» З.Фрейда, «комплексами» К.Юнга, «сценариями» Э.Берна. Но тот же схематизм, скажем мы, подчиняет и пространственно-временное измерение. Так называемое «искривление пространства и времени» есть не что иное, как подчиненность чувственно-воспринимаемых пространственно-временных характеристик пятому измерению.

Лет двадцать назад в сознании большинства отечественных ученых сочетание слов марксизм и экзистенциализм воспринималось как описание двух антагонистических учений. На Западе подобное сочетание не выглядело преувеличением. Экзистенциализм там иногда считали материалистической формой мысли. Но в нашем отечестве попытку отыскать общие составляющие в этих двух философских течениях признавали кощунственной: если одно из учений объявляется единственно верным, то все остальные, по определению, неверны. Для нас это стало трагедией: до сих пор некоторые отечественные психологи воспринимают сочинения экзистенциалистов как диссидентский роман.

Говорят, трагедия время от времени повторяется в виде фарса. Не это ли происходит сегодня, когда уже марксизм объявляют, чуть ли не единственным *неверным* учением. Теперь уже тем, кто хочет найти истину в диамате, грозят всеми несчастьями.

Нам путь науки видится не трагедией, и не фарсом. Мы вслед за Л.С.Выготским повторим слова Г.Мюнстерберга: «Садовник любит свои тюльпаны и ненавидит сорную траву, а ботаник, описывающий и объясняющий, ничего не любит и не ненавидит и со своей точки зрения не может ничего ни любить, ни ненавидеть». Не надо любить марксизм. Как и любое другое направление философии, материалистическая диалектика, в свое время узурпированная большевистской идеологией, должна найти свое место, свой смысл в системе мировой психологии. Только такое спокойно-взвешенное отношение к отечественной науке поможет как российской, так и мировой психологии, которая, кстати, в такой же мере нуждается в

осмыслении своих экспериментальных наработок, как отечественная – в практическом воплощении своих теоретико-методологических достижений.

Список рекомендуемой литературы

Невозможно представить исчерпывающий список работ, которые следовало бы прочитать тем, кого интересует современное состояние культурно-исторической парадигмы. В этот список могли бы войти труды таких мыслителей прошлого как Гегель, Кьеркегор, Маркс, Бергсон, Ницше, Гуссерль, Хайдеггер и т.д. В этот список вошли бы и работы тех психологов, которые оказали непосредственное влияние на построение Л.С.Выготским своей теории: Ж.Пиаже, К.Левина, Н.Аха и многих-многих других. Безусловно, в этом списке оказались бы работы советских и современных как отечественных, так и зарубежных последователей (и критиков) рассматриваемых нами теорий. Очевидно, этот список по своему объему мог бы превысить текст самого учебного пособия. Поэтому автору пришлось волей-неволей ограничить этот перечень лишь несколькими книгами и статьями, которые на наш взгляд являются первой ступенью в овладении всем богатством культурно-исторической парадигмы. Соответственно, выбор книг и статей, помещенных в приведенный ниже список, обусловлен следующими соображениями. В него были включены, во-первых, книги Л.С.Выготского и А.Н.Леонтьева, содержащие основные труды этих исследователей. Во-вторых, - работы, в которых читатели смогут познакомиться с научными биографиями Выготского и Леонтьева. Далее, это книга А.А.Леонтьева, в которой, на наш взгляд, наиболее полно на сегодняшний день отражена позиция представителей школы А.Н.Леонтьева о соотношении теории Выготского и психологической теории деятельности Леонтьева. Наконец, осознание того, что те или иные рассуждения, кратко изложенные в нашем учебном пособии, могут оставить у читателей чувство недопонимания, автору пришлось поместить в этот список некоторые свои тексты, в которых более полно освещены отдельные положения, вошедшие в приведенный выше текст.

Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М. Лев Семенович Выготский. М., Смысл, 1996.

Выготский Л.С. Психология развития человека. М., Смысл-Эксмо, 2003.

Леонтьев А.А. Деятельный ум. М., Смысл, 2001.

Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е. Алексей Николаевич Леонтьев: деятельность, сознание, личность. М., Смысл, 2005.

Леонтьев А.Н. Эволюция психики. М.-Воронеж, МПСИ, 1999.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., Смысл-Академия, 2004.

Морозов С.М. Диалектика Выготского. М., Смысл, 2002.

Морозов С.М. Теория А.Н.Леонтьева о механизмах саморазвития деятельности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2003, №2

Морозов С.М. Единицы анализа в теории А.Н.Леонтьева и в экономике марксизма // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2004, №1.

Морозов С.М. Деятельность как субстанция-медиатор // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2006, №1.

Аннотация

Учебное пособие содержит текст лекций, которые автор читает студентам факультета психологического консультирования Московского городского психолого-педагогического университета. В основе этой дисциплины – представления автора о преемственности и единстве культурно-исторической теории Л.С.Выготского и психологической теории деятельности А.Н.Леонтьева, а также – о необходимости поиска точек соприкосновения наиболее перспективных теоретических построений в современной психологической науке. Таковыми автор считает культурно-деятельностную теорию, построенную на базе материалистической диалектики, и психологическую теорию, основанную на философии экзистенциализма.